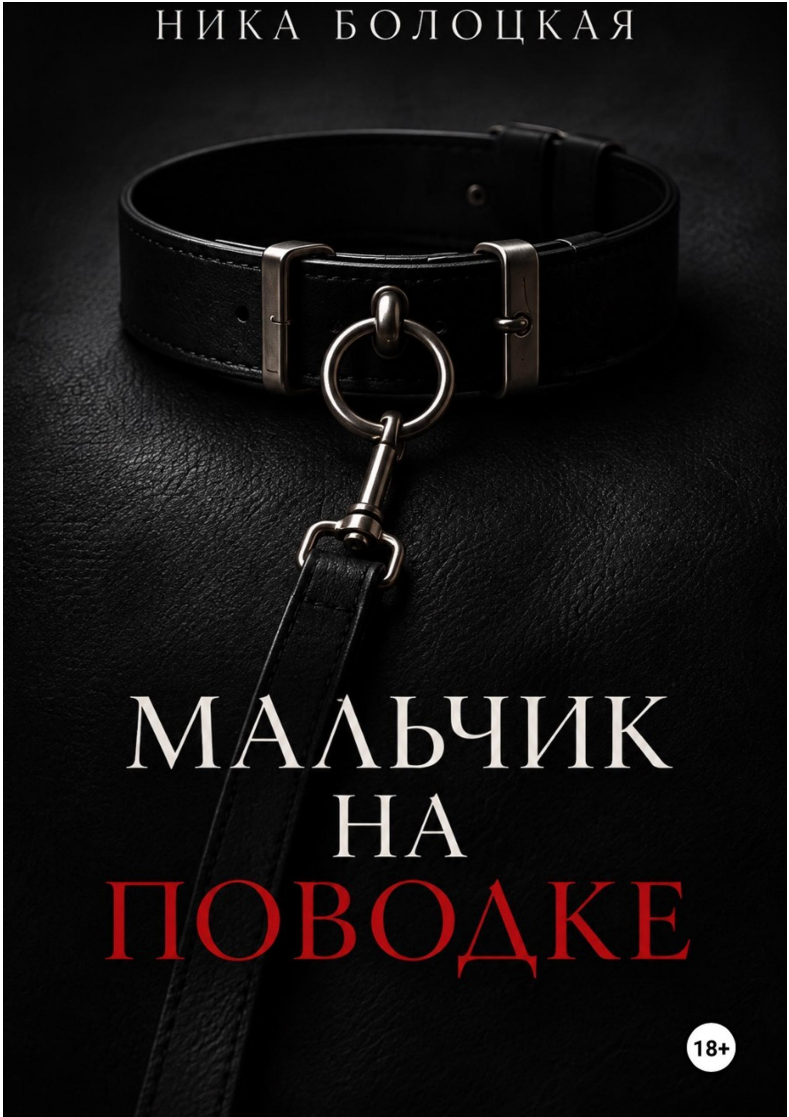
НИКА БОЛОЦКАЯ

МАЛЬЧИК НА ПОВОДКЕ

18+

Ника Болоцкая
Мальчик на поводке

https://litres.ru/75017298
SelfPub; 2026

Аннотация

Мужчины привыкли вставать перед Викторией Ланской на колени. Она привыкла решать, когда им подняться.

Ей сорок один. У неё деньги, власть, безупречная репутация и железное правило: никаких чувств.

Ему двадцать девять. Артём Савин не богат, не покладист и совершенно не боится женщин с характером. Он готов добровольно отдать ей контроль. Но только на своих условиях.

Между ними начинается игра, в которой желание переплетается с властью, нежность становится опаснее любого приказа, а привычные правила перестают работать.

Виктория уверена, что держит поводок в своих руках.

Но что, если первым привязался тот, кто считал себя свободным?

Откровенный роман о запретных желаниях, добровольном подчинении и любви, перед которой бессильна даже власть.

Ника Болоцкая
Мальчик на поводке

Глава 1. Мужчины на коленях

Мужчина передо мной стоял на коленях.

Ему было тридцать шесть, он руководил юридическим отделом международной компании, водил «Порше» и однажды полтора часа объяснял мне, почему его начальник законченный идиот. Сейчас он молчал, опустив голову.

В этом не было ничего необычного.

Необычным было то, что я скучала.

— Илья.

— Да, госпожа.

— Посмотри на меня.

Он поднял голову.

Красивый мужчина. Правильные черты лица, хорошие зубы, аккуратная стрижка. Из тех, кого женщины разглядывают в ресторанах, а потом делают вид, что выбирают десерт.

На нём был чёрный кожаный ошейник. От кольца тянулся поводок, конец которого я держала в руке.

— Напомни мне правила.

Он послушно перечислил границы, которые мы обсудили перед встречей, и назвал стоп-слово.

— Хорошо, — сказала я. — А теперь скажи, чего хочешь сегодня.

Илья ответил не сразу.

— Чтобы вы были довольны.

Я закрыла глаза.

Господи. Опять.

— Я спросила, чего хочешь ты.

— Я хочу доставить вам удовольствие.

— Илья, если я ещё раз услышу эту фразу, то начну выставлять тебе счета за консультации по развитию личности.

Он растерянно улыбнулся.

Нельзя сказать, что Илья был плохим партнёром. Напротив. Он внимательно относился к договорённостям, ничего не требовал сверх согласованного, не пытался переносить наши роли в обычную жизнь.

И, главное, действительно любил подчиняться.

Проблема заключалась в том, что постепенно он перестал приносить на встречи самого себя.

Мне досталось идеальное послушание, за которым не осталось человека.

Я положила поводок на стол.

— Вставай.

— Я что-то сделал неправильно?

— Ничего. Именно в этом проблема.

Он поднялся, потёр затёкшее колено и осторожно посмотрел на меня.

— Вы хотите закончить?

— Сегодня да.

— А в следующий раз?

Я сняла с его шеи ошейник. Не рывком, не демонстративно. Просто расстегнула пряжку и положила кожу рядом с поводком.

— Следующего раза, наверное, не будет.

Он молчал.

Я предложила ему воды. Илья выпил половину стакана и сел в кресло у окна. Мы разговаривали ещё минут пятнадцать, уже без ролей, без приказов и без игры.

В конце он неожиданно сказал:

— Вы всё время куда-то торопитесь.

— Сегодня вечером? У меня нет планов.

— Я не про сегодня.

Пожалуй, стоило оставить его в моей жизни ещё хотя бы за эту фразу.

Но я не любила затягивать прощания.

Когда Илья ушёл, я осталась одна посреди комнаты, за которую платила совершенно неприличные деньги.

Красное дерево, глубокие кресла, регулируемый свет, отдельная ванная, шкаф с аккуратно разложенными аксессуарами. На одной стене висели картины современного художника, которого в приличном обществе называли смелым, а в неприличном, вероятно, скучным.

Я подошла к зеркалу.

Сорок один год.

Карие глаза, тёмные волосы чуть ниже плеч, чёрное пла-

тье, стоимость которого позволила бы неплохо отдохнуть двум людям в Турции. Тонкая золотая цепочка на шее. Помада безупречна.

На работе меня называли Ланской.

За спиной, вероятно, называли куда интереснее.

Я владела инвестиционной компанией, долями в трёх гостиничных проектах, двумя квартирами и загородным домом, в котором бывала реже, чем собственная уборщица.

Мужчины обычно делились на три категории.

Первые хотели моих денег.

Вторые делали вид, что не хотят моих денег.

Третьи имели достаточно собственных, чтобы начать со мной соревнование.

Последние раздражали больше всего.

Мне нравились другие мужчины. Те, с которыми не приходилось соревноваться. Те, кто добровольно отдавал мне инициативу и не превращал каждый разговор в борьбу двух уязвлённых самолюбий.

Никаких сюрпризов.

Никаких объяснений в три часа ночи.

Никакого «Вика, нам нужно поговорить».

Особенно последнего.

Телефон на столике завибрировал.

СОНЯ: Ты ещё там?

Я: Уже всё.

СОНЯ: Спускайся. Хочу показать тебе одну вещь.

Я: Если это опять твои новые картины с голыми людьми, сразу говорю нет.

СОНЯ: Нет. На этот раз живой человек.

Я посмотрела на сообщение.

Потом на ошейник.

— Даже интересно, — сказала я пустой комнате.

Перед тем как выйти, я собрала оставленные вещи. Это был ритуал, за который Соня однажды обозвала меня бухгалтером человеческих слабостей. В шкафу стояли коробки с аккуратными ярлыками: средства ухода, сменная одежда, запасные застёжки, маленькая аптечка. Даже здесь я умудрилась построить систему, в которой любой предмет можно найти с закрытыми глазами.

Я провела пальцем по коже ошейника. Илья оставил его мне по нашему прежнему соглашению. Подумала, не стоило ли вернуть, затем поняла, что вопрос глупый. Вещь ничего не означала без человека, который хотел её надеть.

Уборщица клуба, немолодая женщина по имени Тамара, заглянула в дверь.

— Виктория Андреевна, убирать сейчас?

— Через десять минут, пожалуйста.

Она кивнула, посмотрела на меня внимательнее и неожиданно спросила:

— Вы сегодня не в настроении?

— Я когда-нибудь бываю в настроении?

— Бываете. Тогда вы не пересчитываете полотенца.

Я опустила взгляд. В руках у меня действительно было третье полотенце.

— У вас замечательная наблюдательность, Тамара.

— У меня сорок лет стажа, — сказала она и ушла, не дожидаясь разрешения.

Я рассмеялась. Тамара была единственным человеком, которому удавалось ставить меня на место совершенно без усилий. Ей, разумеется, не требовался ни ошейник, ни клубная репутация.

Мобильный снова мигнул. Соня прислала: «И не вздумай спускаться с лицом похоронного агента. У нас сегодня красивые люди».

Я задержалась у зеркала. Убрала выбившуюся прядь, протёрла край помады салфеткой, поправила серьгу. Взрослая женщина, которая готовилась выйти в бар, словно к заседанию совета директоров. Безупречная внешность, устойчивые привычки и совершенно невнятное ощущение, что жизнь повторяет одну и ту же сцену, только актёры меняются.

Мне вдруг захотелось сбросить туфли и пройти по коридору босиком. Не потому, что это было запрещено. Просто я никогда так не делала.

Туфли я всё-таки оставила на ногах. Слишком дорогой пол. Слишком глупая революция.

В коридоре мне навстречу шёл мужчина с букетом роз, вероятно, опоздавший на свидание. Он торопливо уступил дорогу и едва не уронил цветы. Я автоматически улыбнулась

ему. Он выпрямился так резко, что локтем задел дверной косяк.

Именно тогда я поняла, что устала от выражения осторожного восхищения на мужских лицах. Мне хотелось, чтобы кто-нибудь однажды просто прошёл мимо, не пытаясь угадать, как мне понравиться.

Я ещё не знала, что через несколько минут действительно встречу такого человека. И что впоследствии сочту собственное желание одной из самых дорогостоящих ошибок жизни.

⁂

Соня владела закрытым клубом, занимавшим два этажа старого особняка в центре Москвы.

С улицы здание выглядело как приличная галерея. Внизу действительно была галерея. Иногда там проводили выставки, иногда закрытые ужины, иногда мероприятия, о которых журналистам ничего знать не полагалось.

Наверху находились приватные пространства для взрослых людей с весьма определёнными интересами.

Место держалось на трёх вещах: конфиденциальности, добровольности и Сонькином умении вышвыривать обеспеченных идиотов так же решительно, как бедных.

Мы дружили пятнадцать лет.

За это время Соня успела дважды выйти замуж, трижды развестись и один раз организовать похороны человека, который оказался жив. Последняя история была связана с

ошибкой нотариуса, но Соня предпочитала рассказывать её так, будто лично подняла покойника из гроба.

Я нашла её в баре.

— Ты выглядишь как женщина, которой только что сообщили, что её любовник умеет пользоваться калькулятором, — сказала она.

— Хуже. Он слишком хороший.

Соня присвистнула.

— Катастрофа. Нормальным людям бы твои проблемы.

— Что ты хотела показать?

— Сначала выпей.

— Я за рулём.

— Тогда хотя бы перестань смотреть на всех так, будто они задолжали тебе квартальный отчёт.

Я села напротив.

Соня была миниатюрной блондинкой в мужском костюме и с таким взглядом, что охранники в её клубе иногда инстинктивно выпрямлялись.

Она пододвинула ко мне стакан воды.

— Есть один мужчина.

— Удивительно. Никогда раньше не слышала о таком виде.

— Двадцать девять лет.

— Соня.

— Не начинай. Он взрослый.

— Для меня это уже почти несовершеннолетний.

— Тебе сорок один, а не восемьдесят семь.

— У него вообще есть профессия?

— Есть.

— Мама разрешает гулять после десяти?

— Виктория, заткнись на минуту.

Я сделала глоток воды.

Соня улыбнулась. Значит, победила.

— Зовут Артём Савин. Занимается реставрацией архитектурных интерьеров. Работает самостоятельно, у него небольшая мастерская. Зарабатывает достаточно, чтобы не нуждаться в твоём банковском счёте.

— Уже плюс.

— Был в отношениях, где добровольное подчинение было частью близости. Не новичок. И не идиот.

— Последнее ты как проверила?

— Он отказал одной из моих постоянных гостей.

— Почему?

— Она перепутала желание руководить с правом хамить.

Я усмехнулась.

— Молодец.

— Мне тоже понравилось.

— И какое отношение этот чудесный человек имеет ко мне?

Соня посмотрела куда-то мне за плечо.

— Самое непосредственное.

Я обернулась.

Мужчина стоял у дальнего конца барной стойки и разговаривал с барменом.

Высокий. Тёмные волосы, чуть небрежная стрижка. Серые брюки, чёрная рубашка с закатанными рукавами. Никаких дорогих часов, показного лоска и привычного выражения человека, который пришёл продавать себя подороже.

На правом предплечье виднелся небольшой шрам.

Он смеялся.

Не улыбался той выверенной улыбкой, которую мужчины обычно надевали при знакомстве с женщиной вроде меня, а действительно смеялся, запрокинув голову.

— Симпатичный, — признала я.

— Какое великодушие.

— Молодой.

— Мы уже выяснили, что тебе не девяносто.

— И, судя по всему, совершенно неуправляемый.

Соня поставила локти на стойку.

— Ты ещё не поняла?

— Чего?

— Ты всегда выбираешь тех, кто выглядит послушным. А потом жалуешься, что они послушные.

Я посмотрела на неё.

— Не начинай заниматься моей психикой. У тебя нет лицензии.

— Зато есть двадцать лет наблюдений.

— Пятнадцать.

— Последние пять считаются за десять.

Я хотела ответить, но Соня уже подняла руку.

— Артём!

Мужчина повернулся.

И посмотрел прямо на меня.

Без обычного оценивающего движения глаз сверху вниз.

Без поспешной улыбки.

Просто посмотрел.

Я почувствовала лёгкое раздражение.

Ничего особенного, разумеется.

Но я не любила, когда мне приходилось первой решать, что делать со взглядом мужчины.

Он подошёл.

— Виктория Ланская, — представила Соня. — Артём Савин.

— Наслышан, — сказал он.

— Надеюсь, не всё правда.

— Не знаю. У вас правда ужасный характер?

Соня подавилась водой.

Я медленно поставила стакан.

— Смотря с кем.

— Тогда у меня ещё есть шанс.

Красивый голос. Низкий, чуть хрипловатый. Без нарочитого мурлыканья, которым некоторые мужчины зачем-то разговаривают с женщинами.

— Соня сказала, что вы занимаетесь реставрацией.

— Да.

— Чего именно?

— Старых зданий, в основном. Дерево, лепнина, декоративные элементы. Недавно закончили историческую лестницу в особняке на Остоженке.

— И часто вы бываете в таких клубах?

— Лестницы реставрирую чаще.

Я рассмеялась.

Не собиралась.

Вышло само.

Соня смотрела на нас с выражением человека, который купил лотерейный билет и уже мысленно делит выигрыш.

— Я вас оставлю, — сказала она.

— Соня, — предупредила я.

— Да-да. Никому ничего не должна. Никого не ищешь. Все мужчины придурки. Ты это уже рассказывала. Разберётесь.

Она исчезла за дверью.

Мы остались вдвоём.

— Значит, вас предупредили? — спросила я.

— О чём именно?

— Обо мне.

— Что вы любите контролировать происходящее.

— И вас это не смутило?

— Нет.

— Почему?

Он посмотрел на пустой стакан в моей руке.

— Потому что я не собираюсь отдавать контроль кому попало.

Ответ мне понравился.

Слишком.

— И как вы определяете, кому можно?

— Разговариваю.

— Удобный способ.

— Пока работает.

Я скрестила руки.

— А если человек вам не понравится?

— Уйду.

Вот тут я окончательно заинтересовалась.

Мужчины, с которыми Соня знакомила меня раньше, обычно начинали с комплиментов. Потом деликатно спрашивали, какую роль я предпочитаю, и пытались произвести впечатление.

Этот собирался уйти.

Причём ещё до того, как я успела его о чём-нибудь попросить.

— Вы слишком уверены в себе, Артём.

— Возможно.

— Для человека, который интересуется подчинением.

— Одно другому не мешает.

— Объясните.

Он усмехнулся.

— Вы сейчас пытаетесь провести собеседование?

— А вы против?

— Нет. Просто хочется знать, в какой момент мне пришлют тестовое задание.

Я невольно улыбнулась.

— А вы остроумный.

— Когда высплюсь, ещё лучше.

— Сколько вам лет?

— Двадцать девять. Соня сказала?

— Сказала.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Хотела услышать, как вы это произнесёте.

— Двадцать девять. Произношение удовлетворительное?

— Сносное.

Он опёрся ладонью о стойку.

У него были большие руки с коротко остриженными ногтями. На указательном пальце небольшая царапина, на тыльной стороне ладони след старого ожога.

Рабочие руки.

Мне внезапно захотелось узнать, какие они на ощупь.

Я мысленно выругалась.

— А вам сколько? — спросил Артём.

— Вы прекрасно знаете.

— Хочу услышать, как вы это произнесёте.

Я посмотрела на него.

Он выдержал паузу.

И улыбнулся.

Наглец.

— Сорок один.

— Отличное произношение.

Я рассмеялась второй раз за пять минут.

Это уже начинало раздражать.

— Вы понимаете, чего я ищу? — спросила я.

Улыбка исчезла с его лица.

Не полностью. Просто он стал серьёзнее.

— Думаю, да.

— Думать недостаточно.

— Тогда скажите сами.

Я выдержала паузу.

— Мне нравятся мужчины, которые добровольно принимают мои правила. В приватных отношениях я предпочитаю ведущую роль. Я не собираюсь менять это ради чьих-то представлений о том, какой должна быть женщина.

— Хорошо.

— И меня не интересуют мужчины, которые соглашаются на всё только ради того, чтобы оказаться в моей постели.

— Меня тоже.

Я подняла брови.

— Правда?

— Виктория, вы сейчас рассказываете мне, что вам нравится, или пытаетесь меня напугать?

Я не ответила.

Он продолжил:

— Мне нравится подчиняться. Не всегда. Не любому человеку. И не в каждой ситуации. Но когда я выбираю партнёра, которому доверяю, да.

— И вы готовы носить ошейник?

— Если мы оба этого захотим.

— Поводок?

— Да.

— Плеть?

Он спокойно посмотрел на меня.

— В согласованных пределах. Я не играю в угадайку, где один человек должен терпеть, чтобы другому было интересно.

Хороший ответ.

Правильный.

Но, в отличие от Ильи, Артём произнёс его не так, будто заучил чужие требования.

Он говорил о собственных.

— Значит, вы умеете говорить «нет»?

— Прекрасно.

— Продемонстрируете?

— Нет.

Я уставилась на него.

Он улыбнулся.

Я фыркнула.

— Вы невыносимы.

— Мы знакомы семь минут.

— Мне хватило.

— Тогда, наверное, мне лучше уйти.

Он действительно отодвинулся от стойки.

В груди что-то неприятно дёрнулось.

Смешно.

Виктория Ланская, которая могла отправить в отставку генерального директора компании одним телефонным звонком, вдруг не захотела, чтобы незнакомый двадцатидевятилетний мужчина уходил из бара.

Чудеса человеческого позора.

— Артём.

Он остановился.

— Да?

— В пятницу я свободна вечером.

Он посмотрел на меня с неожиданным вниманием.

— Это приглашение?

— Возможно.

— Куда?

Я назвала ресторан.

— В восемь.

— Хорошо.

— Без опозданий.

— Постараюсь.

— Не постараетесь. Придёте вовремя.

Он чуть наклонил голову.

В этом движении мелькнуло что-то совершенно другое. Не насмешка. Не вызов.

Внимание.

И ожидание.

— Как скажете, Виктория.

Два обыкновенных слова.

Ничего такого, чего я не слышала десятки раз.

Но почему-то именно сейчас они прозвучали так, что мне пришлось вспомнить о стакане воды и сделать глоток.

Артём заметил.

Конечно, заметил.

Проклятый мальчишка.

⁂

Домой я вернулась около полуночи.

В квартире пахло свежими цветами. Уборщица поставила в гостиной белые пионы, хотя я просила розы. Завтра нужно было сказать ей, что пионы тоже подходят.

Возможно, даже поблагодарить.

Я сняла туфли, прошла на кухню и открыла холодильник.

В нём лежали дорогой сыр, три контейнера с едой из ресторана и лимон, происхождение которого я не могла объяснить.

У женщин, способных управлять сотнями миллионов рублей, иногда весьма сложные отношения с собственным ужином.

Я взяла контейнер.

Телефон зазвонил.

На экране высветилось: МИХАИЛ БЕРЕЗИН.

Мой заместитель.

Я посмотрела на часы.

00:14.

— Михаил, если кто-то умер, говори сразу. Если нет, я убью тебя первой.

— Вика, у нас проблема.

Я закрыла холодильник.

— Насколько дорогая?

— Очень.

Он рассказал о документах, внезапно оказавшихся у конкурентов, о переносе заседания совета директоров и о человеке, который слишком хорошо знал внутреннюю структуру нашего инвестиционного фонда.

Я выслушала.

Попросила прислать материалы.

И назначила совещание на восемь утра.

— Ты точно не спишь? — спросил Михаил.

— Нет, Миша. Я разговариваю с тобой во сне. Это семейное проклятие.

— Понял. До утра.

Я положила телефон.

Работа.

Вот с ней всё было понятно.

Проблему можно изучить, определить виновного, найти

рычаг давления и решить вопрос.

С людьми сложнее.

Особенно с теми, которые не боятся уйти.

Я открыла сообщения.

Соня прислала номер Артёма.

И фотографию.

На снимке он стоял в мастерской, в рабочей рубашке, весь в древесной пыли, и держал в руках старую резную дверную ручку. Выглядел сосредоточенным и до неприличия привлекательным.

Под фотографией было сообщение:

«Только не пытайся купить ему весь мир в первые полчаса. Он тогда решит, что ты зануда».

Я усмехнулась.

И сохранила номер.

АРТЁМ САВИН.

Подумала.

Переименовала.

АРТЁМ.

Подумала ещё.

МАЛЬЧИК.

Посмотрела на экран.

Нет.

Слишком рано.

Я вернула имя.

В этот момент пришло сообщение с незнакомого номера.

«Пятница, восемь. Я записал. Если встреча деловая, надену пиджак. Если нет, предпочёл бы без него».

Я улыбнулась.

Я: Это не деловая встреча.

Три точки появились почти сразу.

«Тогда не опаздывайте, Виктория».

Я перечитала сообщение.

Один раз.

Второй.

Потом медленно положила телефон на стол.

Этот человек совершенно не понимал, с кем имеет дело.

Или понимал слишком хорошо.

Я ещё не знала, что однажды он действительно встанет передо мной на колени. Что я сама застегну на его шее чёрный кожаный ошейник и возьму в руки поводок. Что мы будем устанавливать правила, нарушать собственные обещания, ревновать, расходиться и возвращаться друг к другу.

И уж точно не могла представить, как однажды попрошу его остаться, не имея ни малейшего желания отдавать приказ.

Пока же я думала только об одном.

В пятницу этот самоуверенный мальчишка узнает, кто здесь устанавливает правила.

Я выключила свет.

И впервые за долгое время рассмеялась в пустой квартире.

Потому что совершенно серьёзно планировала поставить взрослого мужчину на место.

А он, судя по всему, собирался получить от этого удовольствие.

Глава 2. Пятница. Восемь

В пятницу в семь сорок три я находилась в лифте и ненавидела собственное отражение.

Не внешность. С внешностью у нас давно был мирный договор. Меня раздражало выражение лица женщины, которая пятнадцать минут выбирала между двумя платьями, а теперь изображала, будто это всего лишь деловая встреча.

Чёрное было привычнее. Бордовое сидело лучше.

Я выбрала бордовое.

Да, господи, мне сорок один. Я могу надеть красивое платье, не составляя для этого протокол совета директоров.

Телефон вибрировал непрерывно. Михаил прислал три сообщения, юрист — два, служба безопасности — таблицу с доступами к документам. Среди участников утечки маячил кто-то из наших. Я вызывала по очереди всех руководителей, и к пяти часам половина офиса уже считала меня чудовищем. Вторая половина, вероятно, тоже, но ещё не успела собраться и договориться.

Последним сообщением пришло короткое:

«Я на месте. Пока никто не пострадал».

Артём.

Я посмотрела на часы. Семь пятьдесят два.

Отвечать не стала. Не хотелось награждать его за пунктуальность.

Ресторан находился в старом переулке. Никакого позолоченного безумия, слава богу: тёплое дерево, белые скатерти, низкий свет. Я любила это место за то, что здесь не смотрели на часы посетителя и не пытались по одному его костюму определить размер чаевых.

Артём сидел у окна. Без пиджака, как и обещал. Тёмно-синяя рубашка, ремень с потёртой пряжкой, волосы чуть влажные. Он поднялся, когда я подошла.

— Вы рано, — сказала я.

— Вы тоже.

— Это мой ресторан.

— А разве его название не «Три сестры»? — Он указал на вывеску за стеклом. — Впрочем, если одна из сестёр вы, я понимаю, почему остальные не спорят.

Я села.

— У вас всегда столько слов?

— Только когда нервничаю.

— А вы нервничаете?

Он честно пожал плечами.

— Немного.

Прекрасный ответ. Большинство мужчин в таких случаях говорили «я ничего не боюсь», после чего трижды поправляли галстук.

Официант предложил вино. Я отказалась: после вчераш-

него заседания ещё звенело в висках. Артём заказал воду и рыбу, даже не посмотрев на раздел с самыми дорогими позициями.

— Не любите устриц? — спросила я.

— Люблю. Но сегодня не хочу.

— Вы всё делаете по настроению?

— Нет. Иначе я бы не расплатился за мастерскую.

— Своя?

— В аренде. Станков собственных больше, чем денег на счёте. Расплатиться с арендодателем помогают заказчики, а испортить настроение — заказчики же.

Я улыбнулась.

— Знакомая схема.

— У вас тоже мастерская?

— У меня компания.

— Я в курсе. Но в вашу мастерскую люди, вероятно, ходят с отчётами, а ко мне приходят с дверями, которые дедушка в молодости покрыл яхтным лаком.

— И что хуже?

— Дверь обычно можно спасти.

Мне стало смешно. Я не привыкла смеяться на первом свидании так часто. Утомительное обстоятельство.

Мы говорили о Москве, старых домах, неприятных клиентах. Он рассказал про женщину, которая требовала вернуть антикварному комоду «здоровую ауру», но отказывалась от реставрации, потому что «дерево нужно уважать таким, ка-

ким его задумала Вселенная». Я вспомнила инвестора, попросившего убрать из отчёта слово «убыток», чтобы рынок не огорчился.

— Вы ведь понимаете, что я могла бы предложить вам работу? — сказала я, когда принесли горячее.

— Могли бы. Но лучше не стоит.

— Почему?

— Пока мы едим, я предпочёл бы не думать, как вы будете торговаться за скидку.

— Я не торгуюсь за скидки.

— Извините. Вы договариваетесь об оптимизации стоимости.

Я едва не подавилась водой.

С Артёмом происходило нечто непривычное: он не опасался моего раздражения. Не стремился его вызвать, но и не делал из него катастрофы. Неприличная свобода.

Когда официант ушёл за десертом, я положила ладони на стол.

— Давайте поговорим о том, зачем мы здесь.

Он перестал улыбаться.

— Давайте.

— У меня нет намерения строить романтические отношения. Не хочу жить с кем-то, делиться расписанием, объяснять, почему не ответила на звонок. Меня интересуют встречи по взаимному желанию и определённая динамика между нами. В этих встречах решения в основном принимаю я. За

их пределами у каждого своя жизнь.

— Срок действия договора?

— Это не договор.

— Уже обнадёживает.

— Артём.

— Слушаю.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Вы объясняете, что умеете контролировать время, пространство и человека рядом. Но при этом почему-то думаете, что мне нечего хотеть, кроме разрешения присутствовать.

Я откинулась на спинку стула.

— Я такого не говорила.

— Тогда отлично. Я тоже расскажу, чего хочу.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Мне нравится добровольно отдавать инициативу партнёрше. Доверять настолько, чтобы перестать следить за каждым её движением. Иногда принимать строгие правила. Но я не нанимаюсь к вам на должность удобного человека. Если мне захочется выпить с вами кофе утром, я об этом скажу. Если нет — тоже.

— А если я откажусь?

— Значит, не выпьем.

Слишком просто. Подозрительно просто.

— Вы всегда так разговариваете с женщинами?

— Только с теми, которые считают каждый вопрос подво-

хом.

У меня зазвонил телефон.

Михаил.

Я нажала «отклонить».

Позвонил снова.

Я мысленно обещала лишить его квартальной премии, но ответила.

— Что?

— Виктория, извини. Мы нашли точку входа. Доступ был у Коршунова, у меня и у двух сотрудников безопасности. И ещё…

— Михаил, это не разговор по телефону.

— Знаю. Но Коршунов требует внеочередное заседание. В понедельник. Говорит, что фонд теряет деньги из-за твоего управления.

Я посмотрела на горевшую свечу.

Павел Коршунов владел миноритарным пакетом компании и всю жизнь мечтал превратить его в контрольный. Вот уже семь лет он устраивал маленькие представления о моей некомпетентности. Обычно зрители расходились, когда я показывала цифры.

— Пусть готовит документы. В понедельник и обсудим.

Я отключилась.

Артём не спросил, что случилось. Не сказал «всё будет хорошо». Не изображал волшебную поддержку, которой женщины обязаны быть благодарны.

Он молча подвинул ко мне стакан воды.

— Скоро принесут десерт. Попробуйте хотя бы его.

— Не командуйте.

— Тогда считайте это советом человека, который видел, как вы пять минут сердились на телефон.

Я убрала телефон в сумку.

— Вы невыносимы, — сказала я.

— Начинаю думать, это комплимент.

Официант принёс десерт на белой тарелке. Посреди огромного количества пустого пространства лежало нечто величиной с грецкий орех, украшенное съедобным листиком.

Артём посмотрел на него без восторга.

— Это всё?

— Полагаю, остальное спрятано под тарелкой, — ответила я.

Он приподнял край блюда, совершенно серьёзно заглянул под него и покачал головой.

— Нет. Обманули.

Я чуть не поперхнулась водой.

— Не устраивай сцену.

— Я ещё не начал. Для настоящей сцены нужны свидетели и голод.

Он отложил ложку, достал телефон и открыл фотографию. На ней стояла огромная миска с домашними пирожками. Рядом сидел мужчина с такой же стрижкой, как у Артё-

ма, и показывал два пальца.

— Глеб, — пояснил Артём. — Мы с ним съели это за один вечер. Вот нормальный десерт.

— Гастрономическая катастрофа.

— Ты просто завидуешь.

Я смотрела на его телефон дольше, чем требовалось. За его плечом на фотографии виднелась мастерская: потрескавшаяся стена, лампа с облезшим абажуром, два кружка, стол, покрытый стружкой. Я никогда не видела помещения, в котором люди проводили бы столько времени, не пытаясь сделать его красивым для посторонних.

— Ты любишь свою работу? — спросила я.

— Иногда ненавижу. Это тоже любовь, наверное.

— Почему реставрация?

— У деда была мастерская. Он чинил мебель. Я подростком считал, что это занятие для людей, которые боятся нормальной жизни. Потом он умер, и мне достались его инструменты. Я полгода не мог открыть ящик.

Артём перестал улыбаться. Я не перебивала.

— Когда открыл, там лежала записка: «Не выкидывай хорошие вещи из-за плохого дня». Он мог писать совсем банальные вещи. Но пилу всегда точил так, что у меня до сих пор не получается повторить.

— Ты поэтому остался в профессии?

— Нет. Поэтому попробовал. А остался, когда понял, что мне нравится медленно делать что-то руками и не врать о ре-

зультате. Если испортил, дерево сразу показывает. С людьми хитрее.

Я провела пальцем по ободку стакана.

— С людьми иногда приходится выбирать между правдой и тем, чтобы сохранить отношения.

— Сомнительный выбор.

— Ты так думаешь, потому что ещё не был в долгих отношениях.

Он посмотрел на меня без улыбки.

— Был. Четыре года.

Я впервые почувствовала неловкость.

— Прости. Я решила за тебя.

— Ничего. У тебя талант. Можно преподавать на вечерних курсах.

Я усмехнулась.

— Что случилось?

— С ней? Ничего необычного. Поняли, что любим друг друга не так, как хотели. Она уехала в Петербург, стала дизайнером витрин. Мы иногда поздравляем друг друга с днём рождения. Не ссоримся и не мечтаем вернуться.

— Подозрительно цивилизованно.

— Мы были неплохими людьми. Просто плохой парой.

Я откинулась на спинку кресла. Кирилл, мой бывший муж, вероятно, сумел бы привести двадцать аргументов, почему именно я превратила брак в войну. Я нашла бы ещё двадцать один в ответ. В нашем разводе никто не победил,

хотя оба долго пытались доказать обратное.

— А ты была замужем? — спросил Артём.

— Да. До тебя история давно добралась?

— Нет. Соня сказала только, что у тебя отвратительный вкус на автомобили.

— У меня прекрасные автомобили.

— Вот это уже спорное утверждение.

— Я была замужем восемь лет назад, — сказала я. — Брак закончился, потому что мы оба устали соревноваться за последнее слово.

— И кто его получил?

— Нотариус.

Он расхохотался так искренне, что официант оглянулся.

— Мне кажется, опасно с тобой спорить.

— Бесконечно опасно. Но ты пока жив.

Артём снова посмотрел на жалкую порцию десерта. Отломил половину, подвинул тарелку ко мне.

— Будешь?

— Ты поделишься?

— С тобой даже этим дорогущим недоразумением.

Я взяла ложку. Десерт оказался неожиданно вкусным, и это нас обоих рассердило. Артём выпросил ещё одну порцию, хотя прежде заявлял, что ресторан мошеннический. Я смотрела, как мужчина совершенно спокойно меняет мнение из-за вкуса шоколада, и пыталась вспомнить, когда последний раз позволяла себе такую роскошь.

⁂

После ужина мы вышли на улицу. Начинался мелкий дождь. Москву в такие вечера хочется либо любить, либо проклинать; третьего она не предлагает.

Моя машина ждала у тротуара.

— Я могу вас подвезти, — сказала я.

— Я пешком.

— Под дождём?

— Он пока не пытается меня убить.

Я посмотрела на его волосы, уже собравшие капли.

— Вы делаете это нарочно?

— Что именно?

— Отказываетесь от всего, что я предлагаю.

Артём подошёл ближе. Не настолько, чтобы это стало неприличным, но достаточно, чтобы я уловила запах его одеколона: что-то чистое, древесное, без сладости.

— Нет, Виктория. Просто мне нравится идти пешком.

Мне внезапно захотелось поправить ворот его рубашки.

И я поправила.

Пальцы на секунду задержались у горла. Он не шелохнулся. Только посмотрел на меня уже без насмешки.

— Что? — спросила я.

— Ничего.

— Вы сейчас лжёте.

— Думаю, стоит ли вас поцеловать.

Признание прозвучало так спокойно, что я растерялась

сильнее, чем если бы он резко притянул меня к себе.

— Это не входило в планы.

— В ваши или мои?

— В мои.

— Тогда я не буду.

Он отступил.

И от этого маленького шага назад у меня неожиданно перехватило дыхание.

Мужчина, которому я несколько часов объясняла правила, только что оставил мне решение, и я не нашла в этом ничего удобного.

— Артём.

— Да?

— Подойдите.

Он приблизился.

Я взяла его за ворот рубашки, потянула к себе и поцеловала.

Всё должно было закончиться быстро. Проверка совместимости, не более. Но он ответил не торопясь, словно никуда не спешил, и мои заранее приготовленные мысли рассыпались. Дождь холодил щёки, его ладонь остановилась у моей талии, ожидая разрешения. Я шагнула ближе сама.

Водитель деликатно смотрел в другую сторону.

Спасибо ему за это. На следующей неделе повышу зарплату.

Когда мы отстранились, Артём улыбнулся краем рта.

— Проверка пройдена?

— Удовлетворительно.

— Суровая комиссия.

— В воскресенье вечером свободны?

— После шести.

— Я пришлю адрес.

— Хорошо.

— И не надевайте эту рубашку.

Он опустил глаза на тёмно-синюю ткань.

— Почему?

— Потому что вы слишком ею довольны.

— А я думал, вам нравится.

Я села в машину прежде, чем он успел увидеть моё лицо.

Разумеется, он увидел.

Всю дорогу домой я проверяла телефон и злилась на себя. Артём не написал ни слова. Только через час пришло сообщение: «Вы забыли десерт. Впрочем, кажется, вечер и так получился сладким».

Неудивительно, что человек с таким чувством юмора работал с деревом. Дерево хотя бы не могло его убить.

Я ответила: «Воскресенье. Семь. Не опаздывайте».

И получила почти мгновенное: «Как прикажете».

Мне понравились эти слова.

Но ещё больше меня напугало то, что я начинала ждать их от него.

Глава 3. Не покупается

В субботу утром я совершила поступок, за который следовало лишить меня права занимать руководящие должности.

Я проверила, был ли Артём в сети.

В половине восьмого.

Потом ещё раз в восемь ноль три.

Потом велела себе прекратить вести себя как шестнадцатилетняя девочка, увидевшая парня из одиннадцатого «Б».

Не помогло.

В девять позвонила Соня.

— Ну?

— Что «ну»?

— Виктория, у тебя на лице бывает четыре выражения. «Убью», «уволю», «куплю» и «где этот идиот». После вчерашнего вечера появился пятый вариант. Дай угадать.

— Ты меня не видела.

— Это не мешает мне быть права.

Я открыла ноутбук.

— Мы просто поужинали.

— И?

— И поцеловались.

Тишина длилась три полные секунды. Для Сони это было рекордом.

— Ты? Сама?

— Соня.

— На улице? В ресторане? В лифте? Нет, подожди, я запишу.

— Иди к чёрту.

— С радостью. Но сначала скажи, он хорош?

Я перевела взгляд на окно. За стеклом дворник пытался победить мокрые листья.

— Да.

Соня издала звук, который не позволил бы себе ни один серьёзный владелец заведения.

— Это уже интересно.

— Ничего интересного. В воскресенье мы встретимся и обсудим правила.

— Только не преврати его в проект по оптимизации поведения.

— Я умею разговаривать с мужчинами.

— Да. Обычно после этого они подписывают документы и уходят в слезах.

Я отключилась.

Соня написала: «Люблю тебя, диктатор».

Я отправила ей средний палец.

Иногда дружба держится на высоких духовных основаниях.

В субботу вечером я решила заняться вещами, которые обычные люди называют выходными. Для начала открыла календарь и обнаружила там пятнадцать напоминаний. Два касались встреч, три платежей, одно покупки воды для цветов, ещё одно было записано просто как «поговорить с собой». Какой-то период жизни явно закончился не лучшим

образом.

Я удалила последнее напоминание. Потом неожиданно поймала себя на том, что хочу рассказать Артёму об этом маленьком акте освобождения.

Не написала.

Зато позвонила матери.

— Виктория, — сказала она вместо приветствия. — Ты заболела?

— Почему сразу заболела?

— Обычно ты звонишь по воскресеньям. Сегодня суббота.

— Мама, я могу позвонить просто так.

— Разумеется. Поэтому и спрашиваю, не заболела ли.

Мы поговорили о её балконе, о соседском псе, который регулярно съедал цветы из клумбы, и о том, что в доме снова собираются менять лифт. Мать жаловалась на председателя товарищества, а я почему-то слушала с удовольствием. В конце она спросила:

— Ты встречаешься с кем-нибудь?

— Мама!

— Тебе сорок один, но я всё ещё имею право интересоваться.

— С кем-нибудь встречаюсь, да. Один раз ужинали.

В трубке воцарилась тишина. Настолько подозрительная, что я проверила связь.

— Сколько ему лет? — наконец спросила мать.

— Очень много. Он уже умеет читать и оформлять налоговые документы.

— Вика.

— Двадцать девять.

Мать вздохнула.

— Как зовут?

— Артём.

— Он хороший?

Я вспомнила, как он заглядывал под десертную тарелку и совершенно спокойно рассказывал о смерти деда. Как не пытался впечатлить меня чужим богатством. Как предложил поделиться половиной сладкого, которое едва ли стоило своих денег.

— Пока не знаю.

— Тогда узнавай. Не нужно за один вечер решать, хороший человек или плохой. Это вам, молодым, кажется, что всё видно сразу.

— Мама, ты только что назвала меня молодой.

— По сравнению со мной ты в детском саду. Кстати, купи перчатки. Опять ходишь с голыми руками.

После разговора я действительно нашла в шкафу перчатки. Оказалось, что их три пары, все новые, и ни одну я не надевала. Мать, как всегда, была совершенно права в чём-то незначительном, что раздражало больше её советов о мужчинах.

Вечером я вышла на прогулку. Без водителя, без марш-

рута, без конкретной цели. Дошла до книжного магазина, где продавец предложил мне роман о девушке, влюбившейся в мужчину, который её похитил. Я посмотрела на обложку и спросила, не предусмотрено ли для главной героини право на адвоката. Продавец рассмеялся и посоветовал другую книгу.

Я купила сборник рассказов. На обратном пути остановилась у киоска с кофе, заказала капучино и обнаружила, что у меня нет привычного кошелька. Продавщица уже собиралась отменить заказ, но мужчина позади предложил оплатить. Я отказалась резче, чем следовало, и полезла в телефон искать приложение.

— Да господи, — сказала женщина, — я вам кофе уже налила. Доплатите в следующий раз.

Мне стало неловко. В моей жизни люди редко позволяли мне быть просто покупательницей, забывшей кошелёк. Здесь никто не знал фамилии Ланская. Никто не боялся, что я куплю весь киоск из принципа.

Я пообещала вернуться завтра и действительно вернулась. Женщина узнала меня, взяла деньги и вручила к кофе маленькую печеньку.

— За честность, — сказала она.

Я несла печенье домой, словно получила редкую государственную награду.

Ночью снова открыла переписку с Артёмом. Не для того, чтобы проверить, когда он был в сети. Мне хотелось на-

писать: «Сегодня меня угостили бесплатной печенькой. Будешь вести себя хорошо, когда-нибудь поделюсь».

Стерла текст. Написала снова. Отправила.

Он ответил через минуту: «Может, для начала проверим, не отравлена ли она? Я умею рисковать собой ради науки».

Я рассмеялась в подушку.

Воскресенье обещало быть самым нелепым событием месяца.

⁂

В воскресенье я приехала в клуб за час до назначенного времени.

Проверила комнату: мягкое освещение, чистая вода, плед, аптечка, телефон под рукой. Убрала из шкафов всё, что не собиралась использовать. Мне не хотелось производить впечатление экскурсовода по музею чрезвычайно сомнительных человеческих увлечений.

На стол положила блокнот.

Он выглядел смешно. На собрании акционеров — уместно. На встрече с мужчиной, которого хотелось целовать до потери здравого смысла, — несколько тревожно.

Я открыла его.

На первой странице написала: «Границы. Стоп-слово. Ожидания».

Подумала, не зачеркнуть ли слово «ожидания».

Оставила.

В семь ровно раздался стук.

Артём вошёл без пиджака, в серой футболке и тёмных джинсах. В руках держал бумажный пакет.

— Это что?

— Еда.

— Я просила что-нибудь приносить?

— Нет. Поэтому принёс для себя тоже. Ваша кухня меня не знает, но я знаю людей, которые забывают есть, когда сердятся.

Он достал два контейнера с пастой.

Я посмотрела на него.

— Вы понимаете, где находитесь?

— В комнате, где, судя по всему, очень дорого забывать поесть.

— Вы всё время шутите?

— Когда напряжён, да. Если хотите, могу перестать.

Это прозвучало неожиданно серьёзно. Я указала на кресло.

— Сядьте.

Он сел.

Без демонстрации, без нарочитой медлительности. Просто выполнил просьбу.

Мы обсудили всё, что действительно имело значение: согласие, остановку в любой момент, границы прикосновений, состояния, в которых встречаться нельзя, приватность, отсутствие фотографий и обязательство говорить правду о собственном самочувствии. Он назвал вещи, которые ему не

подходили, я — свои ограничения. Для первой встречи договорились обойтись без сложных практик и не путать доверие с желанием произвести впечатление.

— Стоп-слово? — спросила я.

— «Красный». «Жёлтый» — если нужно замедлиться или проверить, всё ли в порядке.

— Хорошо. И никаких игр, если кто-то пьян, разозлён или хочет наказать другого за настоящую обиду.

— Согласен.

— И ещё. За пределами этой комнаты мы равны.

Артём поднял брови.

— Боюсь, это первое правило, которое вы сами нарушите.

— Это почему?

— Вы уже два раза велели мне сесть, хотя я и так собирался.

Я хотела возмутиться, но он улыбнулся, и обижаться стало неловко.

— Вы заносчивый, — сказала я.

— Иногда. Но я слушаю.

Я открыла небольшую коробку. Внутри лежал простой чёрный ошейник, мягкий, без металлических украшений, если не считать небольшого кольца спереди.

Артём не потянулся к нему. Не изобразил восторг. Посмотрел на меня, ожидая вопроса.

— Хотите попробовать?

— Да.

— Точно?

— Виктория, я умею произносить это слово осознанно.

— Иногда полезно повторить.

— Тогда ещё раз. Да.

Я встала за его спиной, попросила поднять волосы у затылка — и тут вспомнила, что волосы короткие. Потрясающее начало вечера.

Артём рассмеялся.

— Ничего не говорите, — предупредила я.

— Даже не думал.

Я застегнула пряжку. Между кожей и шеей оставалось достаточно места. Он коснулся ошейника пальцами, проверяя посадку, затем опустил руки.

Когда я обошла кресло, его взгляд изменился. Исчезла привычная насмешливая лёгкость. Осталось спокойное, сосредоточенное внимание.

— Как себя чувствуете?

— Хорошо.

— Тогда встаньте.

Он поднялся.

— Подойдите ко мне.

Артём сделал несколько шагов.

Я остановила его жестом.

— Достаточно.

Тишина стала плотной, почти осязаемой. За дверью кто-то прошёл по коридору, тихо скрипнули половицы старого

особняка. Мне вдруг стало неуютно от собственной внимательности к каждому движению человека напротив.

— На колени, — сказала я.

Он взглянул на ковёр, затем на меня.

— Здесь удобно?

— Не настолько, чтобы вы захотели поселиться.

Он опустился на колени. Спина прямая, руки свободно лежали на бёдрах. Никакой жалкой покорности. Мужчина, который выбрал своё положение и совершенно не потерял себя.

Я осторожно прикрепила поводок к кольцу.

— Комфортно?

— Да.

Я отступила на шаг. Он последовал за мягким движением моей руки, не торопясь и не сопротивляясь. Мы оба знали, что это условность. И именно добровольность делала её значимой.

— Посмотрите на меня, Артём.

Он поднял лицо.

Сердце неприятно стукнуло.

Я ожидала привычного удовольствия от контроля. Вместо него пришло ощущение, будто мужчина, стоящий передо мной на коленях, видит меня яснее большинства тех, кто смотрел сверху вниз.

— Что вы чувствуете? — спросила я.

— Что вам не нравится ответ «чего пожелаете».

— Не нравится.

— Тогда скажу иначе: мне здесь хорошо. Я доверяю вам этот вечер. Но если вы спросите, чего хочу, я отвечу честно.

— И чего же?

Он посмотрел на мои руки.

— Чтобы вы перестали так крепко держать поводок. Я ведь не собираюсь убегать.

Я разжала пальцы.

Смешно. Меня учили вести переговоры в условиях угрозы банкротства, но никто не рассказывал, как расслаблять ладонь, когда дело касается человека.

— Так лучше?

— Да.

Я подошла ближе и провела пальцами по его волосам. Он прикрыл глаза. Небольшое движение, почти незаметное, но от него внутри что-то сдвинулось. Никаких зрителей, никакой необходимости быть самой сильной женщиной в комнате. Просто двое взрослых людей и доверие, которое пока было слишком хрупким, чтобы давать ему громкие названия.

— Встаньте, — сказала я спустя некоторое время.

Он встал. Я сняла поводок, затем ошейник.

— Всё?

— На сегодня — да. Я не хочу спешить.

Он кивнул.

И спросил совершенно обычным голосом:

— Теперь можно есть?

Я посмотрела на два остывших контейнера и расхохоталась.

⁂

Паста оказалась отвратительной.

— Вы этим питаетесь? — спросила я, глядя на соус, больше похожий на обойный клей.

— Обычно нет. У этого места хорошие отзывы.

— От кого? От конкурентов?

Артём задумчиво попробовал ещё раз.

— Похоже, я всё-таки купил вам неприятный вечер.

— Нет, — сказала я слишком быстро.

Он поднял глаза.

Я отложила вилку.

— Не вечер. Паста отвратительная. Вечер — нет.

Мы помолчали. Потом он протянул руку через стол, ладонью вверх.

Я посмотрела на его пальцы.

— Что это?

— Рука. Довольно полезная штука, рекомендую.

— Артём.

— Можно?

Я вложила свою ладонь в его.

Он не сжал её демонстративно, не сделал ничего особенного. Просто держал. И от этой простоты меня охватило такое странное беспокойство, что я захотела сказать какую-нибудь гадость, желательно меткую.

— У вас ужасные вкусовые предпочтения, — сообщила я.

— Я уже понял, что вам понравился мужчина, который принёс плохую пасту.

— Не льстите себе.

— Поздно.

Когда мы вышли из клуба, он поцеловал меня у двери. На этот раз медленно, без дождя и спешки. Я коснулась его шеи там, где совсем недавно был ошейник, и почувствовала, как он на мгновение задержал дыхание.

— До среды? — спросил он.

— Посмотрим.

— Вы свободны в среду вечером. Соня сказала.

— Соня очень скоро останется без клуба.

— Тогда в среду.

Он ушёл, оставив меня в освещённом дверном проёме с собственным пальто в руках.

Я могла позвать водителя. Могла подняться наверх к Соне и подробно объяснить, почему её знакомый слишком много себе позволяет.

Вместо этого я стояла и улыбалась, как последняя идиотка.

А утром пришло письмо, из-за которого улыбка исчезла.

Тема: «Остоженка. Пересмотр реконструкции».

В списке подрядчиков я увидела знакомое название.

«Мастерская А. Савина».

Через две строчки значилось: «Расторгнуть договор в свя-

зи с изменением инвестиционной модели».

Я перечитала письмо.

Потом открыла карточку проекта.

Оказалось, мой фонд владел зданием, над интерьерами которого работал Артём.

И кто-то решил снести половину того, что он восстанавливал.

Глава 4. Красный означает стоп

В понедельник я впервые за много лет опоздала на совещание.

На две минуты.

Михаил Березин встретил меня у стеклянной двери с лицом человека, которому сообщили о падении метеорита на корпоративную парковку.

— Всё хорошо? — спросил он.

— Почему?

— Вы опоздали.

— Миша, если ты сейчас начнёшь причитать, я опоздаю ещё на десять минут.

В переговорной сидели шесть человек, включая Павла Коршунова, мужчину, который всегда выглядел так, будто ему сообщили о чужом счастье и он немедленно поручил проверить законность происходящего.

Он поправил манжету.

— Виктория Андреевна, мы как раз обсуждали ваше отсутствие.

— Надеюсь, пришли к выводу, что я чрезвычайно занята. Доброе утро.

Я заняла своё место.

Повестка состояла из трёх пунктов: утечка документов, возможная реструктуризация активов и внеплановый пересмотр сметы по зданию на Остоженке.

Последнее меня интересовало особенно.

Коршунов разложил перед собой бумаги.

— Старый особняк нерентабелен в текущем виде. Мы предлагаем переработать проект. Демонтировать внутренние конструкции, расширить коммерческую площадь, заменить лестницы. Сокращение затрат окупит пересмотр контрактов.

— Лестницы? — переспросила я.

— Да. Историческая ценность этих деталей, как выяснилось, сильно преувеличена.

— Кем выяснилось?

— Нашими консультантами.

— Покажите заключение.

Он подвинул мне папку.

На третьей странице находилась фотография лестницы, которой я прежде не видела. Светлое дерево, сложная резьба на перилах, красивый изгиб ступеней. Такие вещи не делают быстро, и не только потому, что не умеют. Кто-то когда-то потратил на это месяцы жизни, желая оставить после себя красоту.

— По проекту реставрация почти закончена, — сказала я.

— Подрядчик не соблюдает сроки, — ответил Коршунов. — Кроме того, мы нашли организацию, готовую осуществить демонтаж по выгодной цене.

— У вас удивительное умение находить людей, которые с радостью разрушают то, что другие восстанавливали.

Он усмехнулся.

— Сентиментальность вам не к лицу, Виктория.

— А вам бы очень пошло молчание, Павел. Но не будем мечтать о невозможном.

Михаил поспешно закашлялся.

Мы проголосовали за независимую экспертизу и временную остановку изменения проекта. Коршунов был против, но большинство оставалось на моей стороне.

Пока.

После заседания Михаил принёс мне кофе.

— Ты странно реагируешь на Остоженку, — сказал он.

— Почему?

— Тебя никогда не волновали старые лестницы.

— Я взрослею.

— Вчера?

— Примерно.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Ты с кем-то встречаешься?

— Михаил, тебя наняли за умение читать отчёты. Оставь чтение лиц профессионалам.

— Значит, встречаешься.

Я поставила чашку.

— Найди мне договор с реставрационной мастерской. И проверь, кто предложил расторжение. Сегодня.

Он ушёл с выражением человека, которому удалось узнать слишком много и при этом ничего.

К обеду я получила запрошенные бумаги. В договоре с мастерской Савина не было ничего драматичного: обычные сроки, обычная оплата, весьма неприятный пункт о досрочном расторжении. По сравнению с некоторыми нашими проектами это выглядело почти образцом прозрачности.

Гораздо хуже было другое. Я впервые рассматривала документ, на который прежде не обратила бы внимания, потому что один из его участников оказался мне небезразличен.

Я позвонила Михаилу.

— Скажи честно. Если бы я не знала этого реставратора, ты бы всё равно принёс мне бумаги?

Михаил помолчал.

— Скорее всего, нет. Сумма небольшая. Занимался бы юридический отдел.

— Это неправильно.

— Не обязательно. Ты не можешь лично проверять каждую сделку.

— Я говорю не о масштабе. Я говорю о том, что за подписью на бумаге стоит мастерская, где люди несколько месяцев делали работу. А теперь их собираются оставить без денег,

потому что чей-то инвестор передумал любить старые лестницы.

— Ты обнаружила социальную несправедливость, — сказал Михаил. — Мне вызывать журналистов?

— Пока нет. Найди того, кто принимал решение.

Он пришёл через час. Мы сидели за столом напротив большого окна, по которому ползла медленная капля дождя. Михаил объяснял структуру инвестиций, а я впервые за много лет слушала не цифры, а смысл последствий. У реставраторов был небольшой срок на завершение работ, после чего комиссия собиралась менять концепцию здания. Можно было решить вопрос без скандала. Но для этого кто-то должен был захотеть в него вникнуть.

— Если я вмешаюсь, — сказала я, — получится, что я спасаю его мастерскую из личных побуждений.

— А если не вмешаешься, получится, что твоя компания нарушает договор. Выбирай, что неприятнее.

— Ты умеешь утешать.

— Поэтому меня держат десять лет. И ещё потому, что никто другой не согласится читать твои письма в шесть утра.

Я попросила провести обычную проверку на уровне отдела. Без моего имени в указаниях. Михаил посмотрел на меня с любопытством.

— Вика, тебе не обязательно доказывать всему миру, что ты способна быть объективной. Достаточно действительно ею быть.

— Иди работать.

Он ушёл. Я осталась с бумагами, которые внезапно стали личными, и неприятным ощущением, что впервые не понимаю, где заканчивается забота о другом человеке и начинается желание распоряжаться тем, что он считает своим.

Вечером мне пришло сообщение от Артёма: «Выжила после первого рабочего дня?»

Я посмотрела на стопку договоров и ответила: «Пока не все сотрудники тоже выжили».

«Сочувствую сотрудникам. В среду увидимся?»

Я долго держала телефон в руке. Мне хотелось рассказать ему о мастерской. Но как начать разговор, не сделав его должником? Что сказать: «Добрый вечер, случайно выяснила, что моя компания собирается тебя разорить, а теперь героически спасу»?

Я написала: «Да. В среду».

Потом добавила: «Есть кое-что, о чём нужно поговорить».

Ответ пришёл сразу: «Звучит как начало увольнения. Мне захватить трудовую книжку?»

Я рассмеялась, но сообщение не удалила. По крайней мере, попыталась не прятать проблему целиком.

⁂

Во вторник я не написала Артёму.

До обеда.

После обеда тоже.

В четыре позвонила Соня.

— На тебя жалуются.

— Кто?

— Люди. Мужчины. Один очень конкретный мужчина.

— Артём?

— Нет. Министр культуры. Разумеется, Артём.

— Что ему нужно?

— Он просит уточнить, жива ли ты. Потому что ты обещала среду, а потом пропала.

— Это было два дня назад.

— Вика, в романтическом календаре два дня иногда считаются за полгода.

Я посмотрела на письмо с документами по Остоженке.

— Занята работой.

— И это, конечно, очень редкое явление в твоей жизни.

— Соня, не лезь.

Подруга помолчала.

— Ладно. Но один раз послушай. Тебе необязательно объяснять ему всё. Достаточно не делать вид, что человек исчезает, когда ты закрываешь приложение.

Она отключилась.

Соня иногда говорила разумные вещи, но обычно так неприятно, что хотелось пожаловаться на неё в прокуратуру.

Я написала:

«Среда в силе. Семь вечера. Будем в клубе».

Ответ пришёл не сразу.

«Хорошо. Но перед этим хочу задать вопрос».

«Задавайте».

«Вам со мной интересно или вы просто решили проверить ещё один вариант?»

Я долго смотрела на экран.

Открыла три письма. Прочла два. Ничего не поняла.

Потом написала:

«Интересно».

«Тогда увидимся».

Вот и весь разговор.

А чувствовала я себя так, будто только что призналась на всю Москву, что способна скучать по человеку.

⁂

В среду Артём пришёл с опозданием на четыре минуты.

— Вы опоздали, — сказала я с порога.

— Знаю. На Садовом авария. Предупредил сообщением.

— Предупреждение не делает вас пунктуальным.

— А ваше недовольство не отменяет пробки.

Я прищурилась.

— Не испытывайте моё терпение.

— Виктория, я могу извиниться. Что и делаю. Но превращать четыре минуты в моральную катастрофу не собираюсь.

Это была первая наша ссора.

Маленькая. Почти смешная. Но я обнаружила, что мне не нравится человек, который не принимает вину сверх той, что действительно его.

— Проходите, — сказала я.

Артём снял куртку. И задержался у двери.

— Если вы всё ещё сердитесь, давайте сначала поговорим. Я не хочу, чтобы наша встреча стала продолжением этой ссоры.

Точное замечание. Неприятное.

Мы сели. Я признала, что перегнула палку. Он признал, что мог выйти раньше. После этого разговор стал почти нормальным, если не считать того, что я трижды ловила себя на желании приблизиться к нему.

— Хотите продолжить то, что мы начали в воскресенье? — спросила я.

— Да.

Мы ещё раз сверили границы, самочувствие, оговорили допустимую интенсивность и договорились, что любое сомнение означает паузу. Я показала ему мягкий ошейник и короткий кожаный поводок. Артём выбрал их сам. На столике оставалась плеть с широкими мягкими хвостами; прежде чем включить её в игру, мы отдельно обсудили, что приемлемо, а что нет, и решили остановиться на самой лёгкой форме, без стремления к боли ради боли.

— Вы помните сигналы? — спросила я.

— «Жёлтый» — замедляемся. «Красный» — всё останавливается. И говорить можно обычными словами, даже если это испортит вам драматический образ.

— Я начинаю жалеть, что вообще научила вас говорить.

— Поздно.

Я застегнула ошейник.

Он стоял передо мной молча, положив ладони вдоль тела. В отражении тёмного окна мы смотрелись странно: женщина в узком чёрном платье и молодой мужчина, который был на голову выше её, даже без каблуков, но сейчас не делал ни одного движения без её сигнала.

— На колени.

Он опустился на мягкий ковёр.

— Руки на бёдра.

Послушался.

Я взяла поводок и медленно прошла вокруг него. Артём следил за мной взглядом, не оборачиваясь, пока я не разрешила. Мне нравилась эта сосредоточенность. Не театральная покорность, а готовность быть здесь, со мной, не отвлекаясь ни на телефон, ни на собственные планы.

На комоде лежали три вещи, приготовленные мной ещё до его прихода: бархатная лента, узкие кожаные перчатки и плетёный стек с мягким наконечником. Дорогие, красивые, совершенно лишённые способности решить хоть одну человеческую проблему. Я любила порядок этих предметов. Когда каждому отведено место, легче делать вид, что и желания укладываются в аккуратные отделения.

Артём заметил, куда я смотрю.

— Ты собираешься открыть музей? — спросил он.

— Тебя беспокоит экспозиция?

— Нет. Просто хочу знать, будет ли экскурсовод объяс-

нять правила до того, как выдаст билеты.

Я взяла бархатную ленту, пропустила её между пальцами. Ткань была прохладной, тяжёлой, приятной на ощупь. Когда я предложила завязать её у него на запястье, он согласился, а потом неожиданно попросил показать узел. Не потому, что сомневался во мне. Ему было интересно. Я привыкла к восторженному молчанию и вдруг обнаружила, что это простое любопытство нравится мне сильнее.

Я завязала ленту свободно. Артём мог снять её сам; он проверил это, потянув за конец. Только потом снова положил руки на колени. На его лице появилась сосредоточенность, которой не было ни в баре, ни на свиданиях. Я перестала слышать приглушённую музыку из коридора. На мгновение мне стало так хорошо от нашего взаимного внимания, что я улыбнулась без всякой причины.

— Что? — спросил он.

— Ничего. Мне нравится, когда ты не торопишься угадать правильный ответ.

— А я надеялся, что правильный ответ существует.

— Боюсь, сегодня тебе придётся смириться с неопределённостью.

Он усмехнулся. И я вдруг пожалела, что не умею так же спокойно принимать её за пределами этой комнаты.

— Посмотри на меня.

Он поднял голову.

— Хорошо.

Я коснулась его щеки. Он легко повернулся к моей ладони, и это простое, доверчивое движение поразило сильнее любого эффектного жеста.

Позже, когда мы перешли к другой части заранее согласованной игры, я ещё раз проверила его состояние. Несколько мягких ударов плетью по предусмотренной одеждой области были короткой, чётко оговорённой частью нашего ритуала. Артём отвечал ясно, без попытки казаться выносливее, чем он есть. Для меня неожиданно важным оказалось не само действие, а то, как внимательно мы друг друга слушали.

— Жёлтый, — сказал он в какой-то момент.

Я сразу остановилась.

— Что нужно?

— Пауза. И воды.

Я отложила плеть.

— Конечно.

Он выпрямился, выпил воду, несколько раз глубоко вдохнул. Я не спрашивала, выдержит ли он ещё. Не пыталась убедить продолжить. Мы поговорили о том, что ему понравилось и что оказалось неожиданным, и приняли решение закончить игру.

Ошейник я сняла сама.

— Всё хорошо? — спросила я.

— Да. Спасибо, что услышали.

Я кивнула и почему-то не смогла сразу ответить.

Я отвела взгляд, чтобы поправить подушку. Великолеп-

ный способ скрыть эмоции. Особенно когда подушка идеально ровная.

Артём заметил.

— Виктория.

— Что?

— Идите сюда.

Я повернулась.

— Простите?

Он тут же поднял руки, показывая, что не отдаёт приказ.

— Можно обнять вас? Уже без игры.

Я кивнула.

Он обнял меня просто и крепко. Не пытаясь ничего доказать. Ладони остановились на моей спине. Я прижалась щекой к его груди и услышала ровное биение сердца.

Я заметила, что всё ещё держу его за рубашку. И не торопилась отпускать.

— Вы пахнете краской, — пробормотала я.

— Это не краска. Масло для дерева.

— Всё равно подозрительно.

— А вы пахнете так, будто сегодня купили маленькое государство.

— Оно было по акции.

Он рассмеялся, и я тоже.

А потом подняла голову и поцеловала его.

Поцелуй не был частью игры. Он был слишком нетерпеливым, слишком настоящим. Артём бережно провёл ладо-

нью по моим волосам; я ухватилась за его рубашку, будто боялась, что он исчезнет, если ослаблю пальцы. Мы забыли про кресло, про оставленную на столе воду, про собственные невероятно серьёзные разговоры. На какой-то момент мир сократился до тёплого света и человека, которого я захотела не отпускать.

— Подождите, — сказала я первой.

Он сразу остановился.

— Что случилось?

— Ничего. Просто…

Я не знала, как объяснить, что моё самое большое неудобство сейчас — не его поведение, а собственное желание.

— Я не ожидала, — призналась я.

— Чего?

— Что вы мне настолько понравитесь.

Артём посмотрел на меня долго и очень внимательно.

— Тогда нам, наверное, стоит быть осторожнее.

— Я не боюсь.

— Я заметил. Но осторожность не всегда про страх.

Я усмехнулась.

— Не начинайте читать мне мораль.

— И не думал. Просто хочу встретиться с вами ещё раз.

— Возможно.

— Опять это слово.

— Привыкайте.

Он улыбнулся.

В ту ночь он уехал от меня около одиннадцати. Я настояла, чтобы он написал, когда доберётся. Через сорок минут получила фотографию тарелки с яичницей.

«Жив. Ужин тоже. Не уверен, что он надолго».

Я засмеялась.

И вдруг поняла, что жду не следующей игры.

Я жду самого Артёма.

Это было куда менее удобно.

⁂

Утром на рабочем столе меня ждала папка с результатами внутренней проверки.

В ней лежала распечатка договора с мастерской Савина, письмо о прекращении оплаты и подпись Михаила Березина.

Моего заместителя.

А рядом — справка службы безопасности: запрос на изменение проекта пришёл не от архитекторов. Его инициировал Павел Коршунов.

Я закрыла папку.

Михаил позвонил, когда я уже собиралась уходить. Я сбросила вызов и положила телефон экраном вниз.

В папке лежали имена людей, которые вполне могли лишить Артёма работы. Я закрыла её, а потом открыла снова. Делать вид, что ничего не заметила, уже не получалось.

Глава 5. Следы на памяти

Михаил Березин был человеком, который умел сообщить о пожаре так, будто речь шла о смене поставщика скрепок.

— Вика, ты неправильно понимаешь, — сказал он, когда я положила перед ним договор с мастерской Савина.

— Обожаю начинать утро с этих слов. Продолжай.

— Расторжение было техническим. Мы готовились к новой концепции здания. Коршунов обещал согласовать это на совете.

— Совет ничего не согласовывал.

— Я думал, вопрос решён.

— Ты подписал бумагу, по которой у подрядчика забирают работу и замораживают оплату, потому что Коршунов тебе что-то пообещал?

Михаил посмотрел в окно. На двадцать третьем этаже было видно небо над рекой, но совесть, судя по его выражению, пряталась значительно ниже.

— Я ошибся, — произнёс он.

— Ты ошибся так, что теперь я не знаю, ошибся ли случайно.

Он резко повернулся.

— Ты считаешь, что я сливал документы?

— Я пока считаю, что ты подписываешь вещи, которые не читаешь. Это уже достаточно плохо.

Я дала ему сутки на письменное объяснение, доступ к спорному проекту временно ограничила и назначила независимую проверку. Он ушёл, хлопнув дверью. Я смотрела на дверную ручку и думала, что нормальные женщины в тридцать лет мечтают о продвижении по службе, в сорок — о

спокойствии, а я в сорок один мечтаю, чтобы никто сегодня не пытался украсть мой бизнес.

Телефон мигнул.

«Доброе утро. У вас есть минутка?»

Артём.

«Для вас — три».

«Тогда использую одну. Спасибо за вчера. Всё было хорошо. А ещё я, кажется, оставил у вас серый шарф».

Я улыбнулась.

«Он не в моём вкусе. Забирайте».

«Вы уверены? Вчера он очень подходил к вашему настроению».

«Савин, вы испытываете судьбу».

«Только в свободное от работы время».

Я уже собиралась ответить что-то особенно ядовитое, когда взгляд упал на договор.

Имя его мастерской стояло в первой строке.

Я убрала телефон.

Сказать ему сейчас? По телефону? Между шутками про шарф?

Нет. Это требовало разговора лицом к лицу.

Я отложила документы и впервые пожалела, что человеческие отношения не выдают вместе с инструкцией по эксплуатации.

В пятницу вечером я встретилась с Соней. Она сидела на кухне клуба, ела гречку из пластикового контейнера и прове-

ряла списки гостей, как командир небольшого, очень странного воинского подразделения.

— Если ты сейчас скажешь, что у нас снова пропал фонарь, — предупредила она, — я его сама повешу на шнурке за окно.

— У тебя что-то случилось с фонарём?

— Уже третий за месяц исчез. Люди, которым доверяют дорогие вещи, почему-то очень любят уносить дешёвые светильники.

Я села. Соня посмотрела на меня поверх очков.

— Ну?

— Что «ну»?

— Ты пришла за советом. Или поссориться. Второе у нас получается бесплатно.

Я рассказала о мастерской. О странных бумагах, о давлении Коршунова, о том, что собираюсь разобраться с этим независимо от знакомства с Артёмом. Соня слушала без привычных шуток.

— Артём знает? — спросила она.

— Пока нет.

— Почему?

— Я хочу сначала понять факты.

— Хорошая причина. Только не используй её две недели подряд.

— Ты подозреваешь меня в желании всё решить самой.

— Я знаю тебя пятнадцать лет, Вика. Ты даже когда едешь

в отпуск, заранее проверяешь, кто будет менять полотенца.

Я хотела возразить, но вспомнила, что перед поездкой в Италию действительно писала управляющему гостиницы. Отрицать было бесполезно.

Соня отодвинула контейнер.

— Я не собираюсь тебе говорить, как вести себя с Артёмом. Но скажу вот что. Он не похож на мужчину, которого можно впечатлить тайным спасением. Он, скорее, разозлится, если обнаружит, что весь мир вдруг стал предельно удобным без его участия.

— Ты так хорошо его знаешь?

— Достаточно, чтобы не путать его готовность подчиняться с неспособностью сказать мне гадость в ответ. Между прочим, он уже говорил.

— Что именно?

— Не твоё дело. Наши разговоры тоже конфиденциальны.

Она сказала это спокойно, и я неожиданно обрадовалась. Соня никогда не превращала клуб в место, где можно выведать чужие секреты за дружеским ужином.

Потом мы спустились вниз. В галерее начинался вечер, люди входили небольшими группами, сдавали пальто, здоровались с Соней. Я стояла у стены и наблюдала, как женщина в дорогом бархатном костюме спорит с мужем из-за потерянного билета. Он нервничал и повторял, что билет был в её сумочке. Она отвечала, что муж мог бы однажды сам отвечать за свои вещи.

Их разговор был настолько узнаваемым, что я вдруг представила, как мы с Артёмом ссоримся из-за какого-нибудь потерянного предмета. Не из-за ролей и условностей. Из-за ключей, которые он оставил в кармане моей куртки. Или из-за того, что я снова выбросила старую деталь, которая для него была сокровищем.

Эта картинка испугала сильнее всего происходящего с инвестиционным фондом.

— Соня, — сказала я, — а если мне с ним станет скучно через полгода?

— Тогда узнаешь. Заранее проверять нечего.

— А если не станет?

Она подняла взгляд от телефона.

— Вот этого ты и боишься.

Я ушла из клуба без ответа. На улице воздух пах мокрыми листьями. Я могла заказать машину и за десять минут оказаться дома, но пошла пешком. С каждым кварталом становилось яснее, что мне нравятся не только приватные вечера с Артёмом. Мне нравилось, как он смеётся, ест, ругается на разбитую чашку. Как отстаивает собственные решения. Как умудряется быть внимательным и совершенно неуправляемым одновременно.

Соня была права. Действительно страшно.

⁂

В субботу Артём пригласил меня к себе.

Я прочитала сообщение дважды.

«Приходите в мастерскую. Покажу, чем занимаюсь. Не бойтесь, продавать вам ничего не буду».

После вчерашнего совещания последнее выглядело издевательством, хотя он, разумеется, ничего не знал.

Я хотела отказаться.

Потом вспомнила, как он смотрел на меня, когда я говорила о правилах. Без страха. Без желания воспользоваться богатством. С таким спокойным интересом, которого мне давно не хватало.

И согласилась.

Мастерская располагалась в бывшем промышленном здании на окраине центра. В коридоре пахло древесной пылью и кофе. У двери стоял старый велосипед, на подоконнике сушились деревянные детали, а на стене висела табличка «Не трогать — это не мусор».

Я посмотрела на табличку.

— Это про меня?

Артём, вышедший навстречу, рассмеялся.

— Нет. Но раз вы заметили, может, стоит повесить вторую.

На нём были выцветшие джинсы и рубашка с закатанными рукавами. Пряди волос падали на лоб. На щеке виднелась тонкая полоска светлой пыли.

Я впервые увидела его в месте, где он никому не подчинялся.

Он двигался уверенно, без суеты, знал, где лежит каждый

инструмент, и разговаривал с помощником Глебом так, как мне хотелось бы видеть у половины собственных директоров: без позы и без унижения.

— Виктория, — представил он. — Глеб, мой напарник и человек, который держит эту мастерскую на плаву, пока я изображаю творческую личность.

— Врёт, — сказал Глеб. — Я изображаю творческую личность. Он чинит то, что я случайно ломаю.

Я пожала ему руку.

Глеб ушёл за кофе, и Артём повёл меня между верстаками.

Показывал старые наличники, резные панели, кусок потолочного карниза, который нужно было собрать из десятков фрагментов. На рабочем столе лежал небольшой деревянный лист, тонкий, как кружево.

— Это вы сделали? — спросила я.

— Восстановил. Оригиналу сто двадцать лет.

— Зачем кому-то столько труда ради детали, которую большинство не заметит?

— Потому что кто-то заметит. И ещё потому, что она уже существовала. Выбрасывать проще.

Он произнёс это без нравоучения.

А у меня внутри неприятно шевельнулось воспоминание о смете на Остоженке.

— А ваше здание на Остоженке? — осторожно спросила я.

Артём перестал улыбаться.

— Там проблемы.

— Какие?

— Инвестор меняет планы. Мы вложили в проект месяцы, а теперь хотят демонтировать то, что заказали восстановить. Часть оплаты зависла. Я пока разбираюсь.

— Знаете, кто инвестор?

Он посмотрел на меня.

— Конечно.

У меня похолодело в животе.

— И кто?

— Компания «Ланская Капитал». Вы правда думали, что я не узнаю ваше имя?

Тишина сделалась оглушительной. Где-то в дальнем помещении Глеб уронил железку и громко выругался.

— Когда вы узнали? — спросила я.

— Ещё до знакомства.

— И не сказали?

— А вы не спросили.

— Артём, не играйте словами.

Он выдохнул.

— Я знал, что ваша компания владеет зданием. Не знал, что вы лично решаете по нему вопросы. Когда Соня нас познакомила, я не собирался обсуждать работу. Это было бы мерзко. Я и сейчас не собираюсь просить у вас услугу.

— Но вы могли сказать.

— Мог. Должен был. Я не хотел, чтобы наш первый нормальный разговор начался с того, что я объясняю, почему ваш фонд не платит мне деньги.

Я отошла к окну.

За стеклом стоял облезлый грузовик, и два мужчины спорили, как занести длинную доску через узкую дверь. В другой день я предложила бы им вызвать грузчиков. Сейчас мне хотелось самой выйти и помочь — лишь бы не разговаривать.

— Я не знала о вашем контракте, — сказала я.

— Верю.

— И, если хотите, могу организовать встречу с финансовым отделом.

— Не хочу. У меня есть юрист. Я не собираюсь превращать то, что между нами происходит, в способ получить деньги.

Меня задело это «между нами».

— А что между нами происходит?

Он несколько секунд молчал.

— Вот это я как раз хотел бы выяснить.

Я повернулась.

— Вы слишком многое себе позволяете.

— А вы слишком часто делаете вид, что прямой ответ — оскорбление.

Мы стояли друг напротив друга, как два человека, которые очень хотят поцеловаться, но оба скорее съедят гвоздь,

чем признаются первыми.

— Вы же понимаете, что мне придётся отделить работу от личного? — сказала я.

— Именно этого и хочу. Мне не нужны ваши деньги. Мне нужна честность.

Он сделал шаг ближе.

— И вы. Если это не слишком сложное условие.

Всё раздражение вдруг стало куда менее убедительным.

— У вас странный способ ухаживать, Савин.

— Зато без цветов, которые вам потом жалко выбрасывать.

Я посмотрела на его губы.

Проклятье.

— Вы постоянно считаете, что можете меня рассмешить?

— Нет. Иногда надеюсь, что смогу поцеловать.

Я шагнула навстречу.

— Тогда попробуйте.

Он коснулся моей щеки, давая мне время отступить. Я не отступила. Поцелуй начался осторожно и быстро перестал быть осторожным: я обняла его за шею, он прижал меня к себе, и железный запах мастерской смешался с теплом его кожи и древесным ароматом рубашки. Мне хотелось продолжать, забыв про фонд, про Остоженку, про собственное раздражение.

Мы остановились только тогда, когда из соседнего помещения донеслось:

— Артём, я сейчас войду, если ты не скажешь, где пила!

— В шкафу! — крикнул он, не отрывая от меня взгляда.

— В каком?

— В котором ты её вчера оставил!

Глеб что-то невнятно ответил.

Я уткнулась лицом Артёму в плечо и расхохоталась.

— У вас здесь всегда так романтично?

— Иногда ещё выключают электричество.

— Роскошно.

Он провёл ладонью по моей спине.

— Поедем ко мне? — спросил тихо. — Не ради продолжения игры. Просто побыть вместе. Поужинать. Если не захотите — отвезу домой.

Я могла отказаться.

У меня были десятки причин. Добрая половина из них начиналась с имени Павла Коршунова.

Вместо этого я сказала:

— Только без вашей ужасной пасты.

— Я запомнил.

⁂

Квартира Артёма оказалась маленькой, светлой и невыносимо уютной. В прихожей стояли ботинки, которые явно прожили интересную жизнь. На подоконнике рос базилик. На холодильнике магнитом была прижата фотография пожилой женщины с серьёзными глазами.

— Мама? — спросила я.

— Да. Она уехала жить к сестре в Тверь. Теперь звонит мне, чтобы сообщить, что я плохо ем.

— И как часто?

— Если не беру трубку, каждые десять минут.

Он достал из холодильника овощи и рыбу, поставил воду, попросил меня нарезать лимон.

Я с недоверием взяла нож.

— Вы понимаете, что я управляю компанией?

— Это не освобождает вас от лимона.

— Ужасный мужчина.

— Поздно разочаровываться.

Мы готовили ужин вдвоём. Я нарезала лимон слишком толсто, он пережарил рыбу и пытался выдать это за авторскую корочку. Потом мы ели, сидя на кухне, и спорили, есть ли у мужчины право считать одноразовую мебель мебелью, а не временным недоразумением.

В какой-то момент я поймала себя на том, что не смотрю на часы.

На телефоне лежали непрочитанные письма. Я перевернула его экраном вниз.

Артём заметил, но ничего не сказал.

После ужина мы вышли на маленький балкон. Внизу гудели машины, где-то во дворе лаяла собака. Он набросил мне на плечи свою толстовку, потому что я дрожала и отказывалась это признавать.

— Вам холодно, — сказал он.

— Мне нормально.

— Конечно. Именно поэтому у вас зубы отбивают сигнал SOS.

Я повернулась к нему.

— Артём.

— Да?

— Я хочу остаться.

Он не улыбнулся победно, не произнёс ничего самодовольного. Только спросил:

— Вы уверены?

— Да.

— Тогда останьтесь.

В спальне горела одна небольшая лампа. Никаких зеркал на потолке, свечей по углам и драматических чёрных простыней. Обычная комната взрослого мужчины: книги, зарядка у кровати, рубашка на спинке стула. И почему-то это действовало на меня сильнее любой дорогой постановки.

Я сняла его толстовку и положила рядом с рубашкой.

Он стоял у двери, не пытаясь решать за меня.

— Подойди, — сказала я.

Артём приблизился. Я положила ладони ему на грудь, разгладила пальцами складку на рубашке, хотя она совершенно не нуждалась в моей помощи. От него пахло чистым бельём, тёплой кожей и всё тем же древесным маслом, которое теперь, кажется, навсегда останется для меня его запахом.

Я обняла его первой. Его ладони легли на мои плечи, за-

тем осторожно скользнули к талии. Я поцеловала его, чувствуя, как он улыбается в ответ; он коснулся губами моего виска, щеки, снова губ, и мне захотелось рассмеяться от странного счастья и нервов одновременно.

— Что? — спросил он.

— У тебя неприлично спокойное лицо.

— Это потому, что я очень стараюсь не вести себя как идиот.

— Плохо стараешься.

— Тогда, видимо, мы подходим друг другу.

Я засмеялась и потянула его ближе. Расстегнула верхнюю пуговицу его рубашки, потом вторую. Пальцы вдруг сделались неловкими; я разозлилась на них, а он поймал мою руку и поцеловал костяшки. Такое нелепо нежное движение окончательно выбило у меня из головы подготовленные колкости.

— Ты можешь не спешить, — сказал он.

— Я не спешу. Я просто отвратительно справляюсь с пуговицами.

— Хотите, я подам заявление на замену фурнитуры?

— Савин, ещё слово — и отправлю тебя спать на диван.

— Принято.

Он поцеловал меня снова. Сначала легко, потом дольше. Его губы коснулись моей шеи и обнажившегося плеча; я закрыла глаза, удерживая его ладонью за затылок. Тонкая бретелька платья соскользнула с плеча, и я вдруг почувствовала себя не женщиной, которая привыкла управлять всем во-

круг, а просто женщиной, которой очень хочется быть ближе к человеку рядом.

Он тихо спросил, всё ли хорошо. Я ответила, что да, и попросила больше не превращать каждое прикосновение в протокол согласования. Мы оба знали, что остановиться можно в любой момент. Этого было достаточно, чтобы перестать считать секунды.

Я помню тепло его рук, мягкий свет лампы, собственное платье, забытое на кресле, и то, как за окном постепенно стихал город. В какой-то момент Артём убрал прядь волос с моего лица, и в этом нежном жесте оказалось больше близости, чем я умела выдерживать без привычной шутки.

На этот раз я не пошутила.

Мы остались вместе до утра.

⁂

Проснулась я от запаха кофе.

Первой мыслью было: я проспала совещание.

Второй: сегодня воскресенье.

Третьей: господи, где моё платье?

Артём стоял у окна в домашних брюках и держал две чашки.

— Доброе утро, — сказал он.

— Смотря для кого.

— Для человека, который только что обнаружил, что умеет спать до девяти, это должно быть великолепное утро.

Я села, натянув на себя одеяло.

— Ты всегда такой разговорчивый?

— До кофе хуже.

Он протянул чашку. Я взяла её и впервые за много лет почувствовала смущение, которое невозможно было списать на плохое освещение.

— Не смотри на меня так, — сказала я.

— Как?

— Будто я тебе нравлюсь.

Артём сел на край кровати.

— А если нравитесь?

Я не нашлась с ответом.

Он улыбнулся.

— Тогда просто выпейте кофе, Виктория. С остальным разберёмся.

Я опустила взгляд на чашку.

И вдруг поняла неприятную вещь.

Вчера я впервые за долгое время осталась у мужчины не потому, что так захотела в начале вечера и включила это в собственный план.

Я осталась, потому что захотела именно его.

И от этого становилось одновременно хорошо и страшно.

Телефон на тумбочке завибрировал. На экране высветилось имя Михаила Березина.

Я ответила, ещё не успев отпить кофе.

— Миша, если фонд снова горит, пришли хотя бы фотографию пламени.

— Вика, слушай внимательно. Коршунов подал заявление о созыве внеочередного совета. И приложил к нему материалы по Остоженке.

— Какие материалы?

— В том числе фотографии с вашей встречи. В ресторане. В пятницу.

Я медленно поставила чашку.

Артём заметил, как изменилось моё лицо.

— Что случилось? — спросил он.

И я поняла, что самое трудное в наших отношениях, возможно, ещё даже не начиналось.

Глава 6. Фотография с чужого стола

— Что случилось? — повторил Артём.

Я смотрела на экран телефона и думала, что фотография с ресторанного свидания — довольно нелепое оружие. Два человека за столом. У одного в руках вилка, у другого улыбка, за которую он вскоре может получить по шее. В нашей стране можно прожить сорок один год, построить компанию, пережить развод, а потом обнаружить, что самым компрометирующим поступком стало желание поужинать с симпатичным мужчиной.

— Нас сфотографировали в пятницу, — сказала я.

Артём поставил свою чашку на подоконник.

— И что?

— У меня есть недоброжелатель. Он считает, что твоя мастерская получала заказы по знакомству со мной.

— Мы познакомились после подписания договора.

— Спасибо, я в курсе календаря. Он рассчитывает, что остальные не станут проверять.

Артём присел на край кровати. На нём всё ещё были домашние брюки, волосы после душа торчали в разные стороны. Сосредоточенность на его лице странно не сочеталась с утренним видом человека, который пять минут назад искал чистую ложку.

— Ты собираешься что-нибудь предпринимать?

— Уже предпринимаю. Назначена независимая проверка. По проекту я отстранюсь от решений, которые могут касаться тебя лично.

— Хорошо.

Я выпрямилась.

— И всё?

— А что ещё мне сказать?

— Например, что тебе неприятно, когда твоё имя используют против меня.

— Мне неприятно. Но сейчас мне больше интересно, кто нас снимал и почему это вдруг должно быть моей проблемой.

Он говорил спокойно. От этого я злилась гораздо больше, чем если бы он начал орать.

— Не должно, — сказала я. — Я разберусь.

— Вика.

Впервые за утро он произнёс моё имя без обычной улыбки.

— Я не прошу тебя разобраться за меня. Мне нужны честные ответы. Если завтра возле мастерской появятся фотографы, я хочу знать заранее. Если кто-то решит, что я сплю с тобой ради денег, я хочу, чтобы ты сказала мне об этом первой. И не из страха, что я обижусь.

— Ты формулируешь требования с поразительной лёгкостью.

— Я заплатил за кофе. Считай, имею право на три.

Я посмотрела на пустую чашку. И засмеялась, сама себе на удивление.

Но смех быстро прошёл.

— Мне прислали фотографии, — повторила я уже тише. — И он знает про твою мастерскую. Я хотела сохранить это между нами. Получилось не очень.

Артём достал телефон из-под подушки.

— Покажи.

На снимке мы сидели у окна ресторана. Я наклонилась к нему, он говорил что-то, размахивая вилкой. На втором кадре я держала его за ворот рубашки под дождём.

Артём долго смотрел на экран.

— Фотограф хороший, — наконец сказал он. — Я тут похож на человека, который умеет заказывать десерты.

— Савин!

— А ты красивая. Даже когда собираешься меня убить.

Я забрала телефон.

— Никаких разговоров с журналистами, — сказала я.

— У меня в мастерской текут два крана и живёт таракан, которого Глеб называет Евгением. Я не настолько интересен журналистам.

— Ты не понимаешь.

— Понимаю. Просто не хочу, чтобы этот человек поселился у нас за столом. Если ты будешь проводить с ним каждое свидание, я начну ревновать.

Он вытянул руку. Я села рядом, и он осторожно сжал мои пальцы.

— Ты можешь уходить, если захочешь, — сказала я.

— Вика, я и так могу. Мы знакомы недостаточно долго, чтобы это забыть. Но пока не хочу.

Мне захотелось предложить ему что-нибудь невозможное: охрану, отпуск, целый новый дом, в котором до нас никто не оставлял грязной посуды. Вместо этого я поцеловала его в висок.

Он с удивлением посмотрел на меня.

— Это что было?

— Не привыкай.

— Поздно.

Когда разговор затих, я обнаружила, что утро давно вступило в свои права. Мы успели поспорить о фотографиях, посмеяться и несколько раз начать серьёзный разговор, но каждый раз отвлекались на что-нибудь совершенно житейское. Например, на сломанный чайник Артёма и мои попытки объяснить, почему взрослый человек обязан немедленно

его заменить.

— Он работает, — защищался Артём.

— Он включается, когда прижмёшь крышку ложкой. Это разные вещи.

— Я реставратор. Могу починить.

— Ты уже третий раз говоришь «могу». Покажи результат.

Он встал, достал отвёртку и начал разбирать чайник прямо на кухонном столе. Я смотрела, как он раскладывает винтики на блюдце, и впервые за много лет не хотела руководить происходящим. Мне было интереснее наблюдать за выражением лица человека, которому нравится собирать вещи обратно.

— Откуда этот шрам? — спросила я, когда он потянулся к верхней крышке.

Артём посмотрел на руку.

— Глупая история. В семнадцать решил, что сумею отреставрировать дедовскую пилу без перчаток. Она не разделяла моего оптимизма.

— Твой дед должен был дать тебе подзатыльник.

— Он как раз и дал. Уже после больницы.

Я взяла его кисть, повернула к свету. Кожа на старом шраме была светлее, чем вокруг. Артём не отдёрнул руку, но приподнял бровь.

— Проводишь экспертизу?

— Проверяю, сколько на тебе мест, куда лучше не давить.

— Тебе придётся вести длинный список.

Я улыбнулась. Он поставил отвёртку и коснулся моих волос.

— А у тебя?

— Что у меня?

— Список мест.

Я сразу поняла, что речь не о коже. И от этого почему-то стало тише.

— Я не привыкла составлять такие списки для других, — сказала я.

— Тогда просто предупреждай. Необязательно заранее.

Он отпустил мою руку и вернулся к чайнику. А я стояла посреди чужой кухни и пыталась понять, почему мне стало теплее от слов, в которых не было ни одного обещания.

Через пятнадцать минут чайник заработал. Артём торжественно налил воду, нажал кнопку и повернулся ко мне с победоносным видом. Крышка немедленно отскочила, облила стол кипятком и снова захлопнулась.

— Не смей, — предупредил он.

Я закрыла рот ладонью.

— Виктория.

Я не выдержала и расхохоталась. Он посмотрел на меня со смесью отчаяния и восхищения.

— Я не могу поверить, что ты смеёшься над чужим инженерным успехом.

— Это не успех. Это горячий фонтан для самоуверенных

мужчин.

— Прекрасно. Теперь ты покупаешь новый.

— Ты же сказал, что не хочешь моих денег.

— Я не хочу твоих денег. Хочу чайник, который не нападёт на нас ночью.

Я рассмеялась снова. И внезапно увидела, что мы стоим слишком близко. Его рубашка была расстёгнута у воротника, волосы торчали после сна, на пальцах оставалось немного тёмной смазки. Артём потянулся к моему лицу, но остановился, словно задавая молчаливый вопрос.

Я сама поцеловала его.

Сначала коротко, почти случайно. Потом задержалась, почувствовав, как он обнял меня за талию. От него пахло кофе, мылом и сонным теплом. Он тихо выдохнул мне в волосы, и я на секунду совершенно забыла о фотографиях, деловых угрозах и чужих письмах.

Когда мы отстранились, он посмотрел на мой рот.

— Пожалуй, ремонт можно отложить.

— Не смей забывать про технику безопасности.

— С тобой она бесполезна.

Я показала ему язык, совершенно зрелый поступок для женщины, руководящей инвестиционным фондом. Он рассмеялся и обнял меня крепче.

Через несколько минут мы всё-таки вспомнили о времени. Артём нашёл чистую футболку, предложил мне полотенце и попытался убедить, что водопроводная вода здесь аб-

солютно нормальная. Я с недоверием посмотрела на его водопровод, вспомнила чайник и предпочла бутылку из холодильника.

Именно тогда я поймала себя на желании остаться ещё на час. Не ради поцелуев, не ради того, чтобы доказать ему что-нибудь. Просто посмотреть, как он пьёт кофе, ходит по кухне и ругается на свои инструменты.

Это было опаснее всего.

⁂

Пока я одевалась, Артём возился с чем-то на кухне. Сквозь полузакрытую дверь доносились звуки шкафчиков, шорох пакетов и тихое ругательство. Мужчина, который ещё ночью выглядел так уверенно, теперь выяснял отношения с тостером. Это почему-то нравилось мне больше, чем его умение красиво держать паузу.

— Что ты делаешь? — спросила я, войдя.

— Пытаюсь приготовить тебе завтрак, пока ты спасаешь мир. Тостер против.

Он держал кусок хлеба за обугленный край. На блюдце лежали два других, уже погибших при исполнении служебного долга.

— Я могу заказать доставку, — предложила я.

— А я могу хотя бы один раз оказаться компетентным в собственной квартире.

Я достала сковороду, поставила на плиту. Он посмотрел на меня так, будто я объявила о намерении самостоятельно

починить лифт.

— Ты умеешь готовить?

— Я умею читать инструкции. Разница несущественна.

Через десять минут мы завтракали яичницей, у которой не было ни малейшего желания становиться произведением искусства. Артём посыпал её перцем, я добавила соли и невольно улыбнулась, когда он уступил мне последний кусок нормального хлеба. Спустя минуту я уже возмутилась его привычкой складывать использованные салфетки в пустую чашку. Он пообещал завести отдельный музей мусора специально для меня.

Телефон снова загорелся. Я перевернула его экраном вниз.

— Ты ведь хочешь ответить, — заметил он.

— Хочу.

— Ответь. Я не обижусь.

И это было неожиданно трудно: разрешить себе делать что-то обычное, не превращая каждое действие в доказательство собственной независимости.

Я позвонила юристу. Спросила только то, что действительно требовалось. Выслушала, назначила время встречи. Не начала диктовать решения за всех участников разговора. Артём за эти пять минут успел вымыть тарелки, сложить полотенце и найти выпавшую застёжку от моей серёжки под кроватью.

Когда я закончила, он положил её передо мной.

— Ты собираешься оставить у меня весь ювелирный гардероб?

— Похоже, тебе очень хочется иметь повод увидеть меня снова.

— Похоже, — ответил он без улыбки.

Я посмотрела на него. От всего света можно было скрывать растерянность, но перед этим человеком она всё чаще выходила сама.

— Я не хочу, чтобы моя жизнь испортила твою, — сказала я.

Артём опёрся ладонями о стол.

— Моя жизнь тоже умеет портить чужую. Глеб до сих пор вспоминает, как я перепутал два заказа и мы неделю спасали лестницу, которую никто не просил спасать. Но мы ведь не перестали работать вместе.

— Ты сравнил наши отношения с реставрацией лестницы?

— Профессиональная деформация. Ты бы сравнила с инвестиционным портфелем, и мне стало бы гораздо страшнее.

Я рассмеялась, потом вдруг взяла его лицо в ладони и поцеловала. Без попытки перехватить инициативу, просто чтобы поцеловать.

— Я могу быть очень неприятной, — предупредила я.

— Уже выяснил.

— И очень упрямой.

— Это было в анкете.

— И иногда не рассказываю людям, когда мне страшно.

Он чуть посерьёзнел.

— Вот последнюю часть придётся менять. Не ради меня, Вика. Просто мне тяжело угадывать, когда ты нужна мне рядом, а когда защищаешься от меня.

Я открыла рот и закрыла. Можно было ответить дерзостью. Можно было назвать его слишком требовательным. Но вместо этого я сказала:

— Мне страшно сейчас. Я не знаю, чем всё закончится с фотографиями.

Артём кивнул.

— Вот. Теперь я знаю. Если кто-то позвонит мне с вопросами, не буду делать вид, что впервые тебя вижу. Хотя соблазн сказать, что познакомился с тобой в очереди за пельменями, очень велик.

Я обняла его, а он, не отпуская, спросил:

— Ты сегодня поедешь одна или хочешь, чтобы я проводил?

— Одна. Я за рулём.

— Тогда я хотя бы донесу до машины твою сумку. Она выглядит тяжелей, чем часть наших станков.

По пути к лифту мы встретили соседку. Она поздоровалась с Артёмом, заинтересованно посмотрела на меня. Я почувствовала старую нелепую неловкость человека, который привык уходить до того, как его успеют рассмотреть.

— Это Виктория, — сказал он просто.

— Очень приятно, — ответила соседка. — А вы тот самый человек, которому Артём носил клубнику в семь утра?

Я повернулась к нему.

— Что?

Он смутился. Впервые за знакомство по-настоящему.

— Это было не в семь. В семь пятнадцать.

Соседка ушла, оставив нас вдвоём перед лифтом.

— Значит, ты умеешь делать глупости ради женщин, — сказала я.

— Только ради особенно неприятных.

Я поцеловала его в щёку. И вышла из дома с серёжкой в кармане и неожиданным желанием дожить до среды без новых катастроф.

К полудню всё решилось в том смысле, в каком у взрослых решаются проблемы: ничего не закончилось, но появилось достаточно людей, чтобы можно было перестать бегать по потолку.

Юрист подтвердил, что подряд по Остоженке был заключён задолго до моего знакомства с Артёмом. Вопрос платежей передали внешнему специалисту. Михаил, которому я уже успела мысленно поставить памятник в виде сломанной ручки, принёс письменное объяснение. В нём было много слов и почти ни одного доказательства здравого смысла.

— Сегодня ты уйдёшь в шесть, — сказал он, когда мы остались вдвоём.

— Ты угрожаешь мне?

— Я предупреждаю. Иначе завтра в офисе появится объявление: «Разыскивается женщина, которая умеет есть не за компьютером».

Я собиралась возмутиться, но на экране вспыхнуло сообщение.

«Ты оставила у меня серёжку. Одну. Вторую я не нашёл. Если это традиция, предупреждай заранее».

Я улыбнулась.

Михаил заметил.

— Всё-таки мужчина, — сказал он с таким видом, будто лично открыл новый закон физики.

— Вон.

Он вышел очень довольный.

Я набрала Артёма.

— Серёжку заберу в среду.

— А вторую?

— Вторая при мне.

— Стало быть, это обмен заложниками. Принято.

— Савин, у меня серьёзный вопрос.

— Слушаю.

— Ты умеешь молчать хотя бы пять минут?

— Смотря зачем.

— Хочу это проверить.

— В среду?

— В среду.

Связь оборвалась, а я ещё минуту смотрела в телефон. Со-

рок один год, высшее образование, инвестиционный бизнес. И вот я флиртую так, будто моя главная жизненная цель — найти достойное применение потерянной серьге.

Пожалуй, так оно и было.

Глава 7. Без права купить

В среду я приехала к Соне раньше Артёма и застала её сидящей на лестнице с туфлей в руках.

— Если ты пытаешься сбежать от гостей, уходи через кухню, — сказала я.

— Каблук сломался. Пришлось выбирать между красотой и жизнью.

— Сомнительный выбор. Жизнь длинная.

Соня фыркнула и показала мне телефон. На экране была фотография меня и Артёма. Та самая, из ресторана, только кадрировали её так, что мы выглядели заговорщиками во время тайной передачи государственных секретов.

— Это прислали мне с вопросом, не знаю ли я твоего нового мальчика, — сказала Соня.

— Мальчика?

— Я ответила, что он мужчина с дипломом реставратора и плохой привычкой связываться с женщинами сложного характера.

— Очень смешно.

— Вика, слушай. Не делай из этого войну. Тебе нравится человек. Он взрослый. Пусть другие подавятся своим интересом.

Я села рядом, хотя мой наряд совершенно не предполагал сидения на лестнице.

— Меня бесит не сплетня. Меня бесит, что её могут использовать против него.

Соня посмотрела на меня необычно внимательно.

— Ты когда-нибудь защищала мужчину без его разрешения?

— Не понимаю.

— Понимаешь. Тебе кажется, что, если кому-то угрожает неприятность, ты должна немедленно за всё заплатить, всё решить и всех построить. Даже если человек предпочёл бы просто знать, что происходит.

— Ты сегодня особенно неприятная.

— Я трезвая. Увы.

Артём появился на верхней площадке с маленьким бумажным пакетом в руках. Увидел нас на лестнице и остановился.

— Это тайное женское собрание?

— Решаем твою судьбу, — сказала Соня.

— Тогда я пойду за чаем. Обычно после этого у меня хотя бы остаётся голос.

Он подал мне пакет. Внутри лежала серёжка и крошечная деревянная коробка, выточенная вручную.

— Для хранения драгоценностей, которые ты разбрасываешь, — объяснил он.

Я провела пальцем по крышке. На ней была вырезана ве-

точка.

— Ты сам сделал?

— Нет, купил в переходе у мастера, который так же плохо спит.

Соня вздохнула.

— Какой отвратительно милый момент. Пойду искать запасную туфлю.

Когда она ушла, я открыла сумку.

— Я тоже кое-что приготовила.

Артём насторожился.

— Если там ключи от нового автомобиля, я упаду в обморок. Но очень воспитанно.

— Не шути.

Я достала конверт. В нём лежала бумага с предложением юридической помощи его мастерской, подготовленная моим адвокатом. Я попросила составить её так, чтобы Артём ничего не был должен мне лично.

Он прочитал одну страницу. Вторую даже не взял.

— Нет.

— Почему? Это независимый специалист. Ты можешь сам выбрать условия.

— Потому что не просил.

— Мне неприятно смотреть, как тебя пытаются оставить без денег.

— А мне неприятно, когда ты решаешь, что я не справлюсь без тебя.

— Я такого не говорила.

— Ты сделала. Вика, мне нужна женщина, а не благотворительный фонд на каблуках.

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу.

— Ты мог бы сказать спасибо.

— Спасибо за коробку, которую я тебе подарил? С удовольствием. За человека, которого ты наняла для решения моей проблемы, не спросив? Нет.

Он вернул конверт.

Я хотела швырнуть бумаги в ближайшее окно. Но Соня могла выставить счёт за стекло, а он явно был бы неприличным.

— Значит, ты предпочитаешь страдать ради принципа.

— Я предпочитаю выбирать, когда мне нужна помощь.

Мы стояли напротив друг друга. Мне отчаянно хотелось, чтобы он извинился. Неважно, за что. Просто чтобы стало удобнее.

Вместо этого он спросил:

— Ты всё ещё хочешь проводить со мной вечер?

— Не уверена.

— Тогда я не стану тебя уговаривать.

Он повернулся к выходу.

— Артём.

Остановился.

— Коробочку оставь, — сказала я.

— Я её уже подарил.

— А я ещё не решила, обиделась ли достаточно сильно, чтобы отказаться.

Он улыбнулся уголком рта.

Я закрыла глаза. В мире должно существовать уголовное наказание за такую улыбку.

— Пойдём выпьем чаю, — сказала я. — Прежде чем я наговорю ещё чего-нибудь лишнего.

— Это будет длинное чаепитие.

Я толкнула его плечом. Он поймал мою руку, не отпускал, пока я не перестала пытаться выглядеть грозно.

Мы успели сделать несколько шагов к лестнице, когда из соседней комнаты донёсся грохот. Такой звук бывает, когда предмет мебели принимает окончательное решение о самоубийстве.

Артём остановился.

— Это не у нас, — сказала я.

— Я в курсе. Но вдруг там нужен человек, который разбирается с деревом?

В комнате действительно упала высокая ширма. Администратор пытался поднять её вместе с девушкой в вечернем платье. Один из шарниров вырвался из крепления, деревянная рейка опасно перекосилась.

— Не тяните, — сказал Артём. — Сейчас совсем сломаете.

Он присел возле ширмы, попросил у администратора фонарик, осмотрел крепёж. Я осталась стоять, наблюдая, как он

спокойно распределяет работу между людьми, не повышая голоса и не пытаясь выглядеть главным. Девушка придерживала полотно, администратор принёс отвёртку, Артём отогнул повреждённую деталь и снова установил её на место.

— До завтра выдержит, — сказал он. — А дальше лучше заменить крепление.

— Спасибо вам огромное, — выдохнула девушка.

Он улыбнулся.

— Только не проверяйте на прочность танцами.

Она рассмеялась. Потрогала его руку в благодарность. Совершенно невинно. Я увидела это прикосновение и почувствовала раздражение, столь мгновенное и бессмысленное, что оно едва не рассмешило меня.

— Савин, — сказала я.

Он поднял голову.

— Да?

— Мы вообще-то шли пить чай.

— Минуту, я уберу инструменты.

Администратор поспешил к стойке. Девушка ещё раз поблагодарила его и ушла. Артём выпрямился, стряхнул пыль с ладоней и посмотрел на меня.

— Ты ревнуешь к ширме?

— К ширме? Не льсти себе. У неё отвратительный вкус.

— У девушки?

— У ширмы.

Артём рассмеялся.

— Мне кажется, тебя разозлило, что меня кто-то поблагодарил.

— Меня разозлило, что ты решил устроить бесплатную мастерскую посреди клуба.

— Ага. Именно это.

Я прошла дальше, взяла чашку со стойки и обнаружила, что налила себе чай с жасмином, который терпеть не могла. Пришлось вернуться и заменить.

Артём терпеливо ждал.

— Тебя совсем не беспокоит, что другие люди могут смотреть на меня? — спросил он, когда мы наконец остались вдвоём.

— Смотри кто хочет. Я не владею твоими глазами.

— Я не про свои.

Я поставила чашку.

— Не беспокоит, — солгала я.

Он смотрел на меня так внимательно, что захотелось задвинуть между нами шкаф. Удобнее всего ту самую починенную ширму.

— Ты удивительная женщина, — сказал Артём. — Готова в доверенной комнате держать поводок, а когда кто-то трогает мою руку у сломанной мебели, начинаешь сердиться.

— Это сложный научный феномен.

— Тогда объясни мне его.

Я вдохнула. Хотелось ответить очередной шуткой. Потом вспомнила нашу последнюю ссору и решила попробовать

по-другому.

— Мне это неприятно, — сказала я. — Да. Совершенно глупо. Я не собираюсь запрещать тебе ничего, но мне всё равно неприятно.

Артём перестал улыбаться. Подошёл ближе.

— Спасибо, что сказала.

— Не благодари. Я всё ещё могу передумать.

— Я здесь с тобой, Вика. И чай собираюсь пить тоже с тобой. Не потому, что ты мне велела. Потому что хочу.

Я взяла его ладонь. На пальцах осталась пыль от ширмы. Я потёрла её большим пальцем.

— У тебя совершенно неприличная привычка чинить всё, что видишь.

— Не всё. Иногда лучше оставить вещь в покое.

Он посмотрел на меня, и я поняла, что это не обещание исправить меня. Наоборот. Он предлагал впервые не чинить то, что болит, а просто побыть рядом.

В коридоре неожиданно погас один из светильников. Администратор вздохнул так тяжело, что Артём тут же повернул голову.

— Даже не думай, — сказала я.

— Но там явно проблема с электрикой.

— Савин. Чай.

Он с совершенно серьёзным видом поднял обе руки.

— Подчиняюсь исключительно потому, что сам хочу.

— Очень убедительно.

Мы дошли до окна. За стеклом стояла московская ночь, снизу доносились голоса. Я обнаружила, что могу говорить о ревности, не превращая её в приказ, и, пожалуй, это было важнее любой удачной игры.

⁂

Позже мы сидели на подоконнике у Сониного кабинета и ели печенье. Никто не был в ошейнике. Никто не изображал смелость.

— Я умею принимать помощь, — сказал Артём. — Просто не хочу, чтобы между нами возникло ощущение долга. Ты однажды спросишь, почему я не делаю, как ты велишь. А я начну думать о деньгах.

— Мне бы никогда не пришло в голову использовать деньги так.

— Верю. Но привычки появляются раньше, чем мы замечаем.

Я откусила печенье. Слишком сладкое. Подозреваю, что Соня делала их исключительно для того, чтобы посетители больше заказывали воду.

— Ладно, — сказала я. — Больше не буду нанимать за тебя людей.

— Спасибо.

— Без разрешения.

— Уже прогресс.

Он притянул меня к себе за руку и поцеловал. Неторопливо, уверенно, как человек, который за вечер успел разо-

злиться, остаться и вновь убедиться, что хочет остаться.

— Ты пахнешь ванилью, — сказал он.

— Это печенье. Я не настолько романтична.

— Мне нравится и то и другое.

Я упёрлась лбом в его плечо. На лестнице кто-то рассмеялся. Соня кричала на поставщика, который снова перепутал её заказ. В клубе пахло деревом и свежим кофе.

Я вдруг захотела провести здесь обычный вечер. Не придумать роль. Не назначить правила. Просто смотреть, как Артём сердится на несправедливое количество сахара в чае.

— О чём думаешь? — спросил он.

— О том, что ты ужасно дорого мне обойдёшься.

— Я только что отказался от твоего юриста.

— Я говорю не о деньгах.

Он услышал. И впервые за вечер не нашёл шутки.

⁂

В четверг я поехала к Артёму с совершенно безобидным намерением вернуть ему книгу, которую он оставил у меня. Книга была о старинных деревянных окнах. На обложке красовалась рама, похожая на ту, через которую моя прабабушка, вероятно, наблюдала падение Российской империи. Я честно пыталась прочитать первые двадцать страниц и выяснила, что о форточках можно рассказывать с интонацией детектива.

Мастерская находилась во дворе бывшей фабрики. Асфальт был потрескавшимся, у ворот стоял грузовик с откры-

тым кузовом, из соседнего помещения доносилась дрель. На парковке я осторожно объехала глубокую лужу и всё равно попала колесом в какую-то яму.

— Приехала женщина и сразу разбудила всю улицу, — сообщил Глеб, когда я вошла.

Он был в рабочем жилете, а за ухом у него торчал карандаш. Второй карандаш находился в кармане, третий он держал во рту. В какой-то момент мне захотелось спросить, не является ли это местным брачным ритуалом.

— Где Артём?

— Спасает лестницу. Или лестница спасает его. Я пока не разобрался.

За перегородкой действительно раздавался голос Артёма:

— Зинаида Семёновна, я вам третий раз говорю, дверь нужно открыть полностью!

— А я тебе третий раз говорю, что от сквозняка кошка простудится!

Я завернула за угол.

На полу лежал длинный деревянный поручень. Артём на коленях прилаживал к нему маленькую металлическую накладку. Рядом стояла сухонькая женщина в домашнем халате, державшая в руках полосатого кота с выражением недовольного налогового инспектора.

— А это кто? — спросила женщина.

— Вика, — сказал Артём, не отрываясь от работы. — Зинаида Семёновна живёт этажом выше. Её лестница пережи-

ла две войны и одного неудачного сантехника.

— Сантехник был хороший, — возразила Зинаида Семёновна. — Только пил.

— Значит, хороший, но недолго, — сказала я.

Кот заинтересованно посмотрел на моё пальто.

— Вы ему жена? — спросила женщина.

Артём стукнул молотком по пальцу.

— Нет, — ответила я.

— Невеста?

— Нет.

— Тогда почему вы с такими сумками ходите?

Я опустила взгляд на кожаную сумку.

— В ней книга.

— А-а. Значит, образованная. Это полезно. Артём у нас тоже образованный, только носки в машинке оставляет.

— Зинаида Семёновна, — простонал Артём.

— Я же правду говорю. Он мне однажды занёс бельё, а носки потом два дня сушились на батарее. Вот так молодёжь и живёт.

За пятнадцать минут я выяснила: Зинаида Семёновна была бывшей преподавательницей труда, следила за всеми мастерскими в радиусе трёх дворов, а кота звали Профессор. Последний терпеть не мог мужчин с бородой, поэтому к Артёму относился настороженно.

Лестницу Артём починил. Для этого ему понадобились два инструмента, десять минут и терпение, за которое я охот-

но вручила бы государственную награду.

— Не уходите без чая, — объявила Зинаида Семёновна.

— Мы уже уходим, — сказала я.

— Вот и хорошо. Поднимайтесь.

Логика мне понравилась.

Квартира оказалась маленькой и невероятно уютной: круглые салфетки на креслах, деревянная этажерка, фотографии в рамках, пахнущая лимоном кухня. На столе стояло печенье, которое выглядело так, будто его испекли ещё при Брежневе. К счастью, Зинаида Семёновна принесла свежую шарлотку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.